

18+

БЕСПЕЧНАЯ ЖИЗНЬ МИШИ Л.

ДАРШАН ЛИСАНЕВИЧ

Даршан Лисаневич

**Беспечная жизнь Миши Л.
Автобиографические рассказы**

«Издательские решения»

Лисаневич Д.

Беспечная жизнь Миши Л. Автобиографические рассказы /
Д. Лисаневич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593786-5

Сказочное детство в экзотическом Непале, веселые проказы юности, драматичные любовные романы, деловые успехи и потери, предательство, тяжелая болезнь и счастливое избавление — забавные и честные автобиографические рассказы Миши Л., сына выдающихся родителей, решившегося на поиски собственного пути в жизни.

ISBN 978-5-00-593786-5

© Лисаневич Д.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
От автора	7
Предисловие переводчика	8
Пролог	10
Глава 1. Волшебная долина Катманду	11
Глава 2. Мое детство в королевстве Непал	20
Глава 3. Охота на тигра в день рождения	26
Глава 4. Незабываемое путешествие из Англии в Непал	29
Глава 5. Четыре интерната за семь лет!	33
Глава 6. Первые вызовы взрослой жизни	41
Глава 7. Начало внутреннего путешествия	44
Глава 8. Открытие новых горизонтов	49
Глава 9. Просто будь в потоке жизни!	54
Глава 10. Схватка с садху ⁴⁸	60
Глава 11. Пирушка в Пашупатинатхе	63
Глава 12. Саньясин ⁶¹ Бхагвана Шри Раджниша	70
Глава 13. Женщина-дух и ее кольцо	80
Глава 14. В плохом ищи хорошую сторону	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Беспечная жизнь Миши Л

Автобиографические рассказы

Даршан Лисаневич

*Эта книга посвящается с большой любовью сыну Николасу, дочери
Кэтрин и внучке Софии*

Переводчик Надежда Неупокоева

Дизайнер обложки Ичиен и Виктор [Van] Теплов

© Даршан Лисаневич, 2023

© Надежда Неупокоева, перевод, 2023

© Ичиен и Виктор [Van] Теплов, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-3786-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

За то, что в моей жизни появилось немного больше понимания, радости и покоя, я хотел бы выразить глубокую признательность всем любящим существам, будь то животные, деревья, духовные учителя или обычные люди, которых мне посчастливилось встретить в моих путешествиях и на путях самопознания.

Я также выражаю сердечную благодарность моей семье и друзьям за то, что они настойчиво побуждали меня писать эту книгу. Спасибо дорогой Наде за ценные советы и за то, что она посвятила свое время переводу этой книги на русский язык, и дорогому Ичиену за создание прекрасной обложки.

Благодарю и Намасте!

От автора

Все представленные в этой книге события действительно имели место. Сделав небольшие творческие дополнения, я изобразил их настолько точно, насколько смог вспомнить. Поскольку у меня нет намерения обидеть, скомпрометировать или вторгнуться в жизнь людей, фигурирующих в этих рассказах, я намеренно не называл некоторых персонажей их настоящими именами. В тех случаях, когда имена были изменены, я отмечал их звездочкой.

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит образительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

Предисловие переводчика

Наша совместная работа над книгами о дзен-мастере Куку принесла мне много радости, так что я с удовольствием стала спутницей Даршана в путешествии по страницам его необычной жизни. Я начала переводить эту книгу вскоре после того, как были закончены ее первые главы, и доля ответственности за то, что книга написана, лежит на мне. Поскольку я участвовала в некоторых описанных здесь событиях, оставляю за собой возможность по-своему рассказывать эти истории.

Все постраничные примечания сделаны мной. Я позволила себе добавить ссылки на дополнительные видео- и аудиоматериалы, чтобы обогатить некоторые рассказы Даршана звуком и изображением. Топонимы в авторской транскрипции размещены в скобках, чтобы их без труда можно было найти в Интернете. Курсивом в тексте выделены слова на хинди, санскрите, тибетском и непали. Большинство фотографий принадлежит Даршану, некоторые фотографии из семейного архива публикуются впервые.

Хочу вспомнить здесь добрым словом нашего друга Али, благодаря гостеприимству которого я впервые услышала многие из рассказанных в этой книге историй, когда мы втроем собирались по вечерам в его гостиной в Джавлакхеле. Истории, звучавшие в исполнении Али и Даршана, весьма талантливых рассказчиков, воспринимались как эпизоды шикарного авантюрного фильма. Именно тогда я впервые попросила Даршана записывать его самые яркие рассказы, и Али поддержал эту идею, спасибо ему!

И благодарю нашего доброго друга Рому, его немногословная поддержка всегда помогала нам в трудные моменты!

Когда книга вышла на английском языке, и пришли первые отзывы, нам стало ясно, что время и силы были потрачены не зря, вот некоторые отклики:

«Я смеялся, я плакал, временами мне хотелось влечь тебе, Даршан, пощечину, только если бы ты мог ответить. А теперь, как мы, рыбаки, говорим: „Вперед, в туман!“»

Рон

«Эта забавная и честная автобиография доказывает, что можно вести полноценную и полную приключений жизнь без какого-либо плана. Когда доверяешь, жизнь сама ведет нас от одной точки к другой. Наградой за свободу от недоверия и страха является радость удивления тому, что вы увидите и где окажетесь дальше. Миша воплощает своей жизнью мудрость великого мыслителя, который когда-то сказал: „Катастрофа – это всего лишь неправильно воспринятое приключение“. Настоятельно рекомендуется непредвзятое чтение!»

Дэвид

«Чрезвычайно интересная, честная и красиво написанная автобиография. Сын экстраординарных родителей, который решил найти собственный путь в жизни, вместо того, чтобы жить в их тени. Всегда предприимчивый, никогда не приспособливающийся, талантливый писатель и ресторатор, живший в гораздо более простые и быстро меняющиеся времена, когда люди не боялись отбросить осторожность и в полной мере наслаждаться жизнью... Забавный и честный рассказ об уникальной

и необычной жизни, о поиске человеком своей духовной принадлежности. Несколько особенно фантастических историй потрясли меня до глубины души и заставили валяться от смеха!»
Кэтрин

Пролог

Рождение в мистической Индии и взросление в зачарованном королевстве Непал, несомненно, было сказочным началом моей жизни. После того как я достиг совершеннолетия, один замечательный человек инициировал мой внутренний поиск фундаментальным вопросом: «Какова цель жизни на Земле, особенно человеческой жизни?»

Вскоре после этого я оказался рядом с другим бесстрашным и неоднозначным духовным учителем, который поделился своей мудростью: «Жизнь – это не проблема, которую нужно решать, а тайна, которую нужно прожить!»

Затем внутренние поиски привели меня к стопам мудреца *адвайты*¹, который предложил свой ясный и простой совет: «Просто храни молчание, больше ничего не нужно!»

В конце концов я встретил самого необычного дзен-мастера, который спокойно мне посоветовал: «Помни лишь о трех вещах, и ты сможешь прожить счастливую жизнь: Не жалуйся! Не срывай гнев на других! Больше отдавай и не думай о том, что получишь взамен!»

Я безмерно благодарен этим мудрым людям, их советы стали для меня постоянным источником вдохновения.

Миша Л.

---

¹ Адвайта (*санскр. букв.* недвойственность, неразделенность), адвайта-веданта – индийское философское учение о тождестве человеческой души с мировым духом и иллюзорности эмпирического мира; одно из основных направлений веданты.

Глава 1. Волшебная долина Катманду

Подбрасываемый вверх и вниз как лодка в бурном море, легкий двухмоторный самолет DC-3 прорезал озаряемые вспышками молний тяжелые грозовые облака и с ревом вырвался на яркий солнечный свет. Надежно пристегнутый рядом с мамой, прижавшись носом к иллюминатору и онемев от изумления, маленький Миша всматривается в разворачивающуюся далеко внизу волшебную картину. Ему открывается новый мир, совершенно отличный от огромного и хаотичного индийского города Калькутта, где он родился и прожил первые 4 года своей жизни.

Обогнув окаймляющие цветущую долину холмы, старый DC-3 несется над древними городами с величественными дворцами и таинственно сияющими пагодными храмами, над ослепительно белоснежными ступами, затем мчится над мерцающими изумрудной зеленью полями риса и пшеницы и готовится зайти на посадку в аэропорт Катманду – большое травяное поле с крытой соломой хижиной на краю. Маленький аэропорт гудит как растревоженный улей! По полю в разные стороны разбегаются коровы и буйволы, их преследуют пастухи, чьи тщетные попытки убрать животных с взлетно-посадочной полосы вызывают еще больший хаос.

Зачарованный странным зрелищем внизу, 4-летний Миша не верит своим глазам:

– Мама, мама, что там происходит? – спрашивает он взволнованно.

Очень бледная, его мать Ингер молчит.

– Они пытаются убрать коров и буйволов с аэродрома, чтобы наш самолет смог приземлиться! – отвечает его отец Борис, широко улыбаясь.

Позже мать Миши признавалась, что с того момента, как однажды пилот одного из друзей Бориса – махараджи – ввел самолет в крутое пике и чуть не убил их всех, она ужасно боялась летать!

После очередного круга взлетно-посадочная полоса наконец-то оказалась свободной, и DC-3 совершил довольно жесткую посадку в аэропорту Катманду, который местные жители называли *Гаучар* – пастбище. Идет 1953-й год и – разрешите представиться! – Миша Лисаневич начинает свою жизнь в изумрудной долине Катманду!

Мой отец Борис Николаевич Лисаневич родился в 1905 году в Одессе, в дворянской семье. Мой дед Николай Лисаневич владел большой конюшней скаковых лошадей и долгие годы служил одним из телохранителей русского царя Николая II. Он был лихим наездником и, несмотря на рост под 195 см, побеждал в России и в Англии на многих престижных скачках с препятствиями. Должно быть, именно от него я унаследовал глубокую любовь к лошадям и уже с юных лет увлекся верховой ездой.

Жизнь Бориса, овеянная неукротимым духом предпринимательства, была наполнена приключениями и безудержной *joie de vivre*². Когда русская революция разрушила его вполне обеспеченную и даже роскошную жизнь, а несколько членов его семьи погибли, сражаясь в рядах Белой армии и на флоте, в 1924 году он бежал в Париж в составе русской балетной группы. Там он поступил танцовщиком в труппу балета Сергея Дягилева и гастролировал с ним по Европе до самой смерти Дягилева в 1929 году. Затем он решил продолжить карьеру самостоятельно и переехал в Южную Америку, где давал танцевальные представления вместе Кирой, своей женой-балериной. Помимо Южной Америки они бывали во многих экзотических городах Южной Азии – в Бомбее и Калькутте, на Цейлоне и Бали, в Сингапуре и Шанхае – где их выступления принимали с восторгом. В конце концов, они снова прибыли в Калькутту, где,

---

² *Joie de vivre* (фр.) – бурное, ликующее наслаждение жизнью.

после нескольких совместных выступлений, пути Бориса и его жены разошлись: она полетела в Америку, а он остался в Индии.

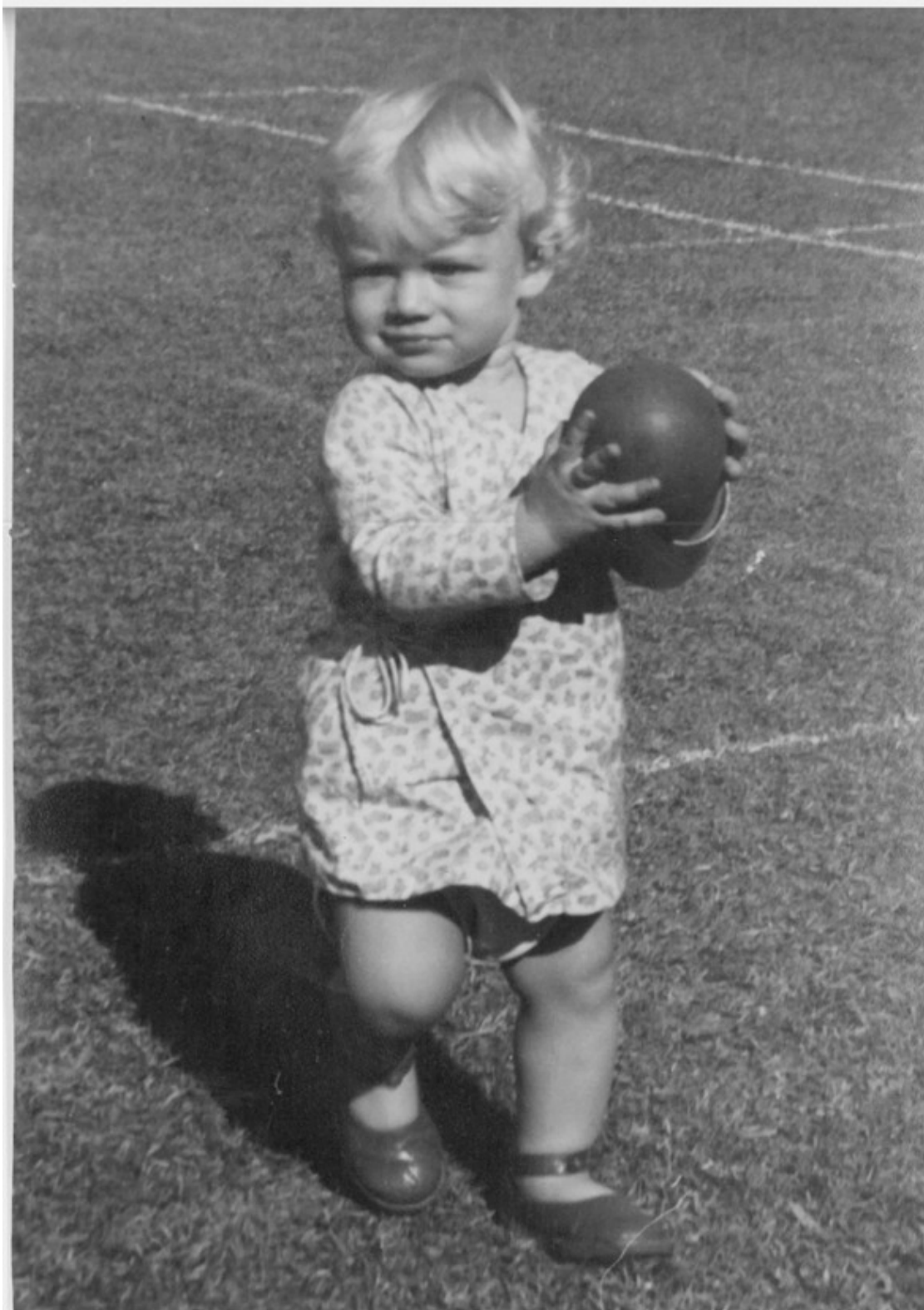
Вскоре он решил снять танцевальные туфли и сосредоточил внимание на организации, а затем и управлении особенным местом, которое вскоре стало знаменитым «Клубом 300» в Калькутте. Это был первый в Индии клуб, где индийцы и иностранцы могли наравне общаться друг с другом.

Там, летом 1947 года, во время одного из оживленных клубных вечеров, среди покачивающихся на танцполе пар, развлекающихся гостей и бесшумно скользящих официантов, среди смеха и изобилия шампанского Борис встретил 18-летнюю Ингер Пфайффер из Копенгагена и пригласил ее на танец. Этот волшебный момент связал их жизни на 38 лет.

Высокая, стройная и потрясающе красивая, со спадающими на плечи светлыми выюющимися волосами и озорным блеском в небесно-голубых глазах, Ингер была племянницей любимого всеми в Дании автора песен и рассказов Кнуда Пфайффера. Ингер с матерью заехали в Калькутту по пути в Шанхай, где они намеревались навестить ее шотландского отчима, который работал главным инженером на судах Южно-Китайского моря.

Борис и Ингер в «Клубе 300» с маленьким Мишей

Миша

Однажды, в конце 40-х годов, поздним вечером в «Клубе 300» Борис был тайно представлен королю Непала Трибхувáну Бир Бикрам Шаху. Король покинул Непал под предлогом лечения в Индии, но на самом деле он надеялся заручиться поддержкой индийского правитель-

ства, чтобы свергнуть правящую династию премьер-министров *Ра́на*³ и восстановить суверенитет монархии. Королю так понравился «Клуб 300», что он стал там регулярным и желанным гостем, пока при помощи Индии в 1951 году не восстановил свою власть в Непале. Успешно сыграв важную роль тайного посредника между непальским королем и правительством Индии, Борис в конце 1951 года неожиданно получил волнующее приглашение: король Трибхуван предложил ему стать своим личным гостем и посетить Непал.

Мои родители, Борис и Ингер, в аэропорту Катманду

Прибыв в таинственное и зачаровывающее королевство, Борис и его прекрасная молодая жена с первого взгляда влюбились в волшебную долину Катманду и великолепные Гималаи. До середины 50-х годов Непал был закрыт для западных гостей и не был приспособлен для туризма. Борис, несмотря на сильное сопротивление высших непальских чиновников, с неутолимимым энтузиазмом принимая новые вызовы, прикладывал свои силы к привлечению иностранных гостей и созданию туристической индустрии для развития экономики Непала.

Первая группа туристов, посетивших Непал, была организована и принята Борисом в 1955 году в его недавно открытом отеле «Ройал», разместившемся в старом дворце «*Бахадур Бхаван*⁴», расположенном в 300 метрах от королевского дворца. Он арендовал половину дворца и постепенно перестроил его так, чтобы создать отель западного стандарта. Это был настоящий подвиг, поскольку большую часть удобств, таких как ванны и туалеты западного образца, оборудование для кухни и ресторана, приходилось перемещать в Катманду на спинах носильщиков.

Недавно коронованный монарх *Махендра Бир Бикрам Шах*⁵ лично присутствовал в отеле «Ройал» на приеме первой группы туристов и на месте постановил, что отныне все иностранцы

³ Династия Рана правила Непалом с 1846 по 1951 год.

⁴ Один из созданных по европейскому образцу дворцов Рана, первоначальное название Чар Буржа (Char Bujra).

⁵ Махендра присутствовал в отеле «Ройал» в марте 1955 года в статусе наследного принца. Его отец, король Непала Трибхуван, в этот момент был на лечении в Швейцарии, где вскоре умер (13 марта 1955 г.) и престол перешел к Махендре, чья

должны получать визы непосредственно по прибытии в Непал. Говорят, что туристы, приехавшие в Непал в середине 50-х годов, знали о стране только две вещи – это гора Эверест и Борис⁶.

Помимо новаторства в туризме, Борис познакомил страну с новыми видами овощей и фруктов и неустанно поддерживал разнообразные проекты в сельском хозяйстве и кустарной промышленности. После смерти короля Трибхувана, в чрезвычайно сложных условиях, он блестяще организовал грандиозные мероприятия по организации и обслуживанию коронации его сына Махендры. Вскоре после этого он также блестяще провел подготовку к государственному визиту⁷ Ее Величества Елизаветы II, королевы Великобритании, причем приемы проходили не только в специально перестроенных для этого случая дворцах Катманду, но и в диких джунглях на юге Непала.

«Як и йети», очень популярный бар отеля «Ройал», с медной каминной вытяжкой в центре и изысканной деревянной резьбой на стенах, был спроектирован и украшен моей матерью Ингер. Холодными зимними вечерами Борис и Ингер вместе с их неординарными гостями собирались в баре вокруг яркого пламени камина. Среди них бывали руководители и участники первых высокогорных гималайских экспедиций, такие как сэр Эдмунд Хиллари и Райнхольд Месснер; харизматичные путешественники, журналисты и писатели, такие как Тони Хаген, Хань Суинь, Лоуэлл Томас, Генрих Харрер, Питер Ауфшнайтер и Десмонд Дойг; известные актеры – Ингрид Бергман, Вивьен Ли, Жан-Поль Бельмондо; члены непальской королевской семьи, дипломаты, пилоты и обычные гости отеля – все они наслаждались теплом и приятной компанией.

Было бы непростительно не включить в число примечательных обитателей отеля «Ройал» мать Ингер. Небольшого роста, но неукротимого нрава, в высоких расшитых тибетских сапожках на все случаи жизни, с идеально уложенными локонами каштановых волос, она производила неизгладимое впечатление. Бабушка Нана (или Ма Скотт, как ее все называли) неустанно поддерживала дисциплину в повседневном хаосе отельной жизни. Мой отец был талантлив во многих областях жизни, но, увы, он определенно не был хорошим бизнесменом!

коронация состоялась 2 мая 1956 года.

⁶ Первая публикация о Борисе была сделана в журнале «Лайф» в 1955 году. Подробнее об истории отеля «Ройал» и его создателе Борисе см.: Лехти М. Вдалеке: От контркультурных исканий к индустрии путешествий в Непале. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022.

⁷ Первый 4-дневный государственный визит британского монарха в Катманду состоялся в феврале 1961 года.

Бар «Як и йети» в отеле «Ройал»

Временами, когда ночная жизнь отеля начинала ее утомлять, мама упаковывала мольберт, краски и кисти и в сопровождении своего верного шерпа Лалита, который нес палатку, теплую одежду и еду, отправлялась к спокойствию далеких гор. Когда ее спрашивали об этих прогулках к далеким живописным гималайским вершинам, она тихо говорила: «Это невозможно описать, но когда я нахожусь в окружении такой красоты, я чувствую себя свободной и могу ощущать красоту своего существования».

Когда мы только приехали в Непал, мой отец арендовал бунгало на просторной территории одного из многочисленных дворцов Катманду «Сатья Бхаван», где мы прожили два года, прежде чем переехать в отель «Ройал». Перед отелем был огромный сад с ароматными магнолиями, соснами и кедрами, а к главному входу в отель вела длинная подъездная аллея, обрамленная индиговыми жакарандами. В саду высилась огромная араукария с множеством мощных ветвей, к одной из которых были подвешены 10-метровые качели из джутового каната, это место стало одной из наших любимых игровых площадок.

Прямоугольный газон с клевером в центре сада часто становился сценой для ночных постановок традиционных непальских мистерий, где танцоры в масках и костюмах индуистских богов и демонов в свете четырех пылающих костров исполняли устрашающие танцы. Справа от центрального газона отец обустроил первые клубничные грядки в Непале. За ними был ряд персиковых деревьев, которые приносили практически неисчерпаемый урожай плодов для сладкого пьянящего вина.

Другой огороженный сад меньшего размера, примыкавший к правому крылу отеля, постепенно превратился в нечто среднее между зоопарком и фермой. Там жили цесарки, утки, гуси, индюшки, павлины, несколько ярких и изысканных гималайских фазанов и других местных птиц. Их приносили нам ловцы, а мы размещали их в клетках в углу сада. Затем из Англии

прибыли белые йоркширские свиньи, вслед за ними появились два гималайских медведя, которых Нана немедленно усыновила и бесстрашно кормила, даже когда они выросли. Медвежата попали к нам милыми детенышами, было забавно с ними играть. Но постепенно они выросли и стали настолько опасными, что их пришлось посадить в клетку в этом небольшом саду.

И вот однажды вид аппетитных свиней, день за днем бродивших перед клеткой с медведями, окончательно свел их с ума. Им удалось выломать железные прутья клетки и они бросились в погоню за свиньями! К ужасу гостей, которые в этот момент мирно покупали непальские сувениры в открытых лавках, размещенных в галереях отеля, неожиданно раздался душераздирающий визг и два крупных гималайских медведя, тяжело дыша, стали гонять обезумевшую свинью по саду. Вслед за ними бежали служители отеля с криками: «Мистер Бóрис! Мистер Бóрис! Позовите кто-нибудь мистера Бóриса!»

К моменту, когда отец понял, в чем дело и сбежал с лестницы с ружьем, подаренным ему руководителем неудавшейся экспедиции за *йети*⁸, заряженным дротиком с транквилизатором, медведи уже задрали свинью, затащили ее в свою клетку и счастливо пиروвали! Такое повторилось еще раз примерно через год, после чего медведи были незамедлительно переданы в зоопарк Катманду.

В этом огороженном саду также была небольшая столярная мастерская, где два плотника постоянно занимались изготовлением мебели для отеля и мелким ремонтом.

В те годы в кинотеатрах Катманду показывали только индийские фильмы. Я любил их смотреть вместе с братьями и *аей* – нашей непальской няней – или в компании других товарищей по играм. Мы обожали фильмы с захватывающими историями о храбрых принцах, скачущих на красивых лошадях и предпринимающих опасные вылазки в поисках магических кристаллов и исцеляющих снадобий, о битвах на мечах с безжалостными злодеями и демонами, об укрощении гигантских 20-футовых змей, о спасении возлюбленных принцесс – эти незабываемые сцены сопровождались великолепной индийской музыкой и чудесными танцами!

После кино мы с братьями бежали к нашим плотникам в саду и просили их сделать для нас деревянные мечи и щиты. Они объясняли, что у них слишком много другой важной работы, но в конце концов соглашались. И мы бросались сражаться на мечах в узких коридорах и в освещенных великолепными люстрами залах нашего дворца, копируя все движения, что видели в кино несколько часов назад.

В дополнение к коллекции птиц и животных в этом небольшом саду отец постоянно покупал всевозможных необычных зверей, которых ему приносили местные ловцы. У нас была гималайская белка-летяга, которая обосновалась на большом дереве с качелями; пятнистый и лающий оленю; два пони, которые жили в вольере; леопардовый кот и мангуст, обитавшие в квартире моих родителей на верхних этажах отеля; кролики и голуби, которых разводил мой младший брат Александр; две милые собаки (белоснежный самоед по кличке Снежок и очень темпераментный жесткошерстный терьер Джеки), плюс пара такс Наны, которых позже сменили две длинношерстные собаки породы лхасский апсо. Но абсолютным фаворитом среди всех питомцев была маленькая гималайская панда по имени Пандаджи, которая жила у Наны и была любима как гостями отеля, так и всеми нами.

Нана обожала всех животных и время от времени выпускала пони из их вольера. Они забредали в сувенирную лавку на длинной галерее отеля, где Нана всегда держала для них печенье и морковку. Однажды пони забрел на ресепшн, где в этот момент регистрировалась вновь прибывшая пожилая гостья. Пони пару раз игриво толкнул ее сзади, пока она не перестала писать и не обернулась.

– Мой бог! – выкрикнула она. – Здесь по ресепшн разгуливает лошадь!

---

⁸ Йети (*тиб.* yeh-teh или meh-teh – человек-медведь) – легендарное существо из фольклора шерпов и некоторых других высокогорных народов в Гималаях.

Отец как раз в этот момент спускался по ступеням широкой мраморной лестницы, ведущей к ресепшн, и увидел эту сцену.

– А кого вы ожидали здесь увидеть, мадам, носорога? – сохраняя невозмутимость, немедленно отреагировал он.

Лишенная чувства юмора возмущенная гостья фыркнула и немедленно выписалась из отеля!

Отель «Ройал» в конце 1950-х

Глава 2. Мое детство в королевстве Непал

Нам с братьями повезло во многих отношениях. Прежде всего, благодаря ежедневной нежной заботе нашей пожилой непальской няни, которая многие годы заботилась о том, чтобы мы, три брата, имели всё необходимое и были счастливы. Помимо уборки наших комнат, стирки, купания и подготовки к школе по утрам, перед сном она готовила нам вкуснейшую свежеиспеченную *пара́нтху*⁹ и сладкий чай с молоком, делала успокаивающий массаж головы, если мы плохо себя чувствовали, и рассказывала увлекательные сказки на непальском языке.

Одно из самых дорогих моих воспоминаний – особенная близость с мамой, что была у меня примерно с 6 до 9 лет, когда она приходила в спальню, садилась на кровать и читала мне перед сном. Нашей любимой книгой была оригинальная версия Ханса Кристиана Андерсена «Сказки для детей». Его сказки были очень красивыми, но иногда такими грустными, что зачастую всё заканчивалось тем, что мы с мамой плакали в объятиях друг друга.

Сказки побудили меня рано научиться читать, и к 10 годам у меня уже была своя маленькая библиотека с замечательной коллекцией сказок и легенд разных стран. Эти книги развивали воображение и, вероятно, сыграли важную роль в моей будущей взрослой жизни.

На восьмой день рождения мне подарили первого пони, который мгновенно зародил во мне страсть к лошадям и верховой езде. Для меня пригласили инструктора по верховой езде и уже через несколько дней мы выезжали на улицы и катались по песчаным берегам рек в долине Катманду.

Целый год я ездил верхом, как только позволяли погода и школьное расписание. Я просыпался на рассвете, седлал своего пони, и мы неслись галопом по узким улочкам медленно пробуждающегося города, пока не выезжали на реку или убранный рисовый поле. Было очень весело гоняться за буйволами по сухому берегу реки или перепрыгивать через стенки рисовых полей. Каждая такая поездка была для меня настоящей радостью, и, несмотря на ушибы и падения, я возвращался домой бодрым и готовым к школе.

Расположенной на окраине Катманду школой Святого Ксаверия руководили американские иезуитские священники. В первые годы я был в школе единственным белым мальчиком, и естественно, что первые дружеские отношения у меня сложились именно с непальскими и индийскими детьми.

Постепенно еще нескольким детям из семей дипломатов приобрели пони. Наша маленькая группа собиралась по выходным, чтобы устраивать скачки к реке Бишнумати. Мы во весь опор неслись по узким улочкам *Асанто́ла*¹⁰, крича во весь голос, чтобы разогнать с дороги рикш, тележки с овощами, велосипедистов, собак, коров и быков. Чудо, что тогда никто не пострадал, хотя, в отличие от сегодняшних дней, улицы в те дни редко были переполнены, а автомобили были большой редкостью в Непале!

Из ежегодно отмечаемых в Катманду праздников, самым захватывающим для меня был Праздник лошадей или *Гхора-джатра*. Это захватывающее событие проходило на поле Тундикхель (Tundikhel) – огромном огороженном травяном пространстве в центре города. По случаю праздника устраивалось множество состязаний и скачек, которых с нетерпением ждали все, и стар и млад. Для участия во всеобщем веселье со всего Непала в Катманду стекались толпы людей. Проводились соревнования на слонах, мулах и, конечно, мои любимые скачки на лошадях.

---

⁹ Парантха (*хин.* паротха) – блюдо индийской кухни, лепешка с картофельной или бобовой начинкой.

¹⁰ Асантол (*неп.* Asantole) – старейший торговый район в центральной части старого Катманду.

Посреди поля Тундикхель росло гигантское дерево, в тени которого располагалась королевская семья и приглашенные высокопоставленные гости из разных стран. Здесь же Его Величество король Непала вручал призы победителям.

Когда мне исполнилось 10 лет, я попросил отца разрешить мне принять участие в Гхора-джатре, потому что я услышал, что в программу включены специальные детские скачки. Он неоднократно наблюдал, как я скачу галопом по дорожкам вокруг отеля, и без колебаний согласился.

За несколько месяцев до Гхора-джатры большую часть свободного времени я проводил верхом на пони на берегу реки, старательно готовясь к предстоящим скачкам. У моей кобылки в это время был жеребенок, поэтому я взял у своего инструктора его самого быстрого пони по кличке Нира и тренировался на нем.

Наступил день Гхора-джатры. Нас было 12 мальчиков и девочек, мы выстроились в линию и были готовы к скачке, а вокруг бушевала толпа из тысяч вопящих зрителей. Выстрел из стартового пистолета, и всё началось! Дни и часы тренировок не пропали даром, мой пони стал первым из тех, кто пересек финишную черту! Позже, к моей великой гордости, я получил трофей из рук Его Величества короля Махендры.

Я учусь верховой езде

Я горел желанием участвовать в Гхора-джатре на следующий год, но неожиданно узнал, что детская гонка отменена. Я настойчиво уговаривал отца попробовать включить меня в соревнования взрослых, и ему как-то удалось это устроить. Он купил мне нового пони по кличке Герцог (Duke), и мы тут же начали серьезные тренировки. Помимо общих навыков, инструктор в конце концов согласился обучить меня акробатическим приемам верховой езды. Без сомнения, это вдохновлялось фильмами про ковбоев и индейцев, которые я иногда смотрел, бывая в гостях у моих американских друзей. Честно говоря, я чувствовал гораздо большее родство со спокойными и любящими природу американскими индейцами, чем с жадными до виски и вооруженными до зубов ковбоями!

Дни и недели пролетели незаметно, и вот снова наступил день Гхора-джатры! Прямая трасса для скачек была преобразована в кольцевую, и, после того как были проведены армейские соревнования, наступил момент нашей гонки! Четырнадцать взрослых наездников и я, 11-летний, выстроили наших норовистых лошадей на стартовой линии. Выстрел стартового пистолета – и гонка началась!

Моего Герцога напугал звук стартового пистолета, так что сначала я немного проиграл и, когда мы вырвались на последнюю стометровку, мчался третьим. Напрягая все силы и умения, я разогнал Герцога до максимальной скорости. Мы выиграли с отрывом в полкорпуса, я был на седьмом небе от счастья! Даже у Его Величества короля Махендры на лице играла улыбка, когда он поздравлял меня и вручал красивую медаль. Впоследствии отец часто в шутку говорил своим гостям, что его сын Миша поставил стопроцентный рекорд среди жокеев – две гонки и две победы!

Мой дед Николай Лисаневич (справа) лидирует в скачках на своем знаменитом жеребце Нижинском

Другими любимыми развлечениями у меня были игра в теннис и лазание по деревьям, причем по тем высоким араукариям, которые росли вдоль нашего теннисного корта и достигали 40-метровой высоты! Ствол и ветви этого дерева покрыты короткими шипами, что делает лазание настоящим испытанием. Но большие, висящие у самой верхушки, плоды размером с *джекфрут*¹¹ оправдывали все риски, потому что орешки из этих плодов были очень вкусными, особенно если их поджарить на огне.

Однажды днем мой непальский товарищ предложил на спор залезть на такое 30-метровое дерево. Мы надели перчатки и прикрепили к поясам острые маленькие ножи, а затем взобрались на нижние ветви с противоположных сторон дерева и полезли вверх. Чем выше мы лезли, тем тоньше становились ветви. Друг меня обошел и первым достиг вершины, заставив меня уворачиваться от летящих сверху плодов. Но я был недостаточно осторожен! Одна довольно

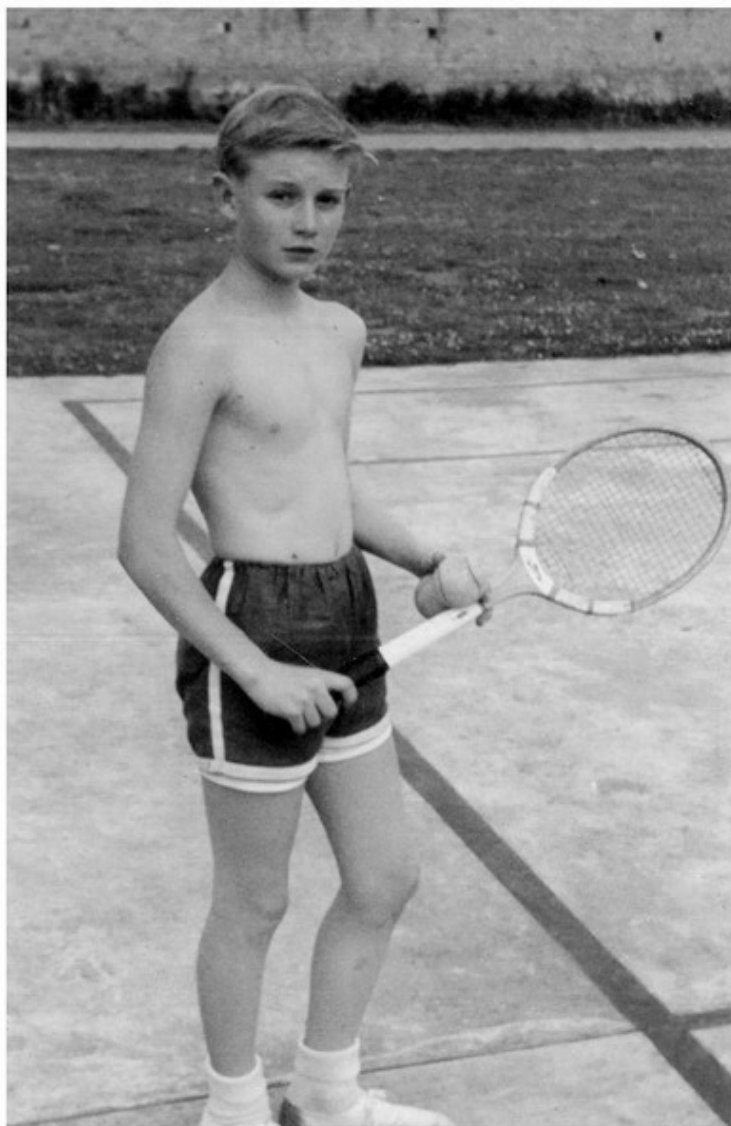
¹¹ Джекфрут (*лат. Artocarpus*) – индийское хлебное дерево из рода Артокarpus с самыми большими съедобными плодами, произрастающими на деревьях.

тонкая ветка с характерным хрустом обломилась, гравитация взяла свое, и через несколько мгновений я уже лежал на земле без сознания!

Я пришел в себя в больничной кровати. Обе руки до локтей были в гипсе, голова замотана бинтами, ноги обработаны антисептиком. Но я был жив!

Позже я понял, что это дерево спасло мне жизнь. В падении мое тело сломало одну за другой 7 больших ветвей, так что свободно я летел всего метра два, и еще, моя голова чудом не угодила в бетонную кромку теннисного корта! Но даже этот почти фатальный инцидент не охладил моей страсти к лазанию по деревьям. Я довольно быстро выздоровел и с тех пор чувствую глубокое родство с деревьями, часто я с удовольствием просто сижу в тишине и смотрю, как они раскачиваются и танцуют на ветру.

А в отношении тенниса оказалось, что с раннего возраста у меня проявился талант к этой игре, и я в ней преуспел. Я выиграл юношеский чемпионат, но через несколько лет проиграл в финале взрослого национального чемпионата Непала.

Миша играет в теннис

Мне вспоминается один забавный случай. Однажды один дипломат средних лет, постоялец нашего отеля, попросил отца найти ему спарринг-партнера для тренировок по теннису. Мне в то время было лет 10—11, я как раз сидел в кресле неподалеку.

– Да, конечно! – ответил отец, – мой сын с радостью с вами поиграет!

– Что? Этот мальчик? – спросил дипломат, нахмурившись. Вскоре он согласился, намекаясь меня погонять, но я обыграл его со счетом 6:1 в обоих сетах! Вечером он встретил моего отца, спускающегося по винтовой лестнице из квартиры в верхних этажах.

– Знаешь, Борис, твой мальчик довольно хорош! – признался он с легким смущением.

В этот момент, как это часто случалось в отеле «Ройал», из большого мансардного окна моих родителей звучала классическая музыка, в тот вечер это был фортепианный концерт великого Рахманинова в авторском исполнении.

– Что это за чудесная музыка, Борис? – спросил дипломат.

– А! Это мой младший сын занимается на пианино! – ответил отец с невозмутимым видом.

Нана, отец и мама на винтовой лестнице в отеле «Ройал»

Глава 3. Охота на тигра в день рождения

В качестве подарка на 12-летие отец организовал для меня поездку на охоту в дикие джунгли южного Непала. Во время жизни в Индии и Юго-Восточной Азии он был удачливым охотником на крупную дичь. Он был знаменит и как охотник за людоедами – выслеживал и убивал тигров и леопардов, которые терроризировали жителей местных деревень.

Главным моментом этой захватывающей поездки должна была стать охота на слонах, во время которой мне предоставлялась возможность подстрелить тигра. В обширном и тщательно организованном лагере в джунглях разместились мои родители, несколько моих друзей из Катманду с их семьями, мои младшие братья, три повара, четверо их помощников, четыре водителя и два механика, взятых для ремонта джипов, шесть местных проводников и еще несколько разнорабочих. Лагерь был установлен за несколько часов и состоял из большого обеденного шатра, крытой кухонной зоны, шести комфортабельных спальных палаток для гостей, двух простых туалетов и душевой. Также был поставлен отдельный лагерь для персонала и сооружены площадки для джипов.

Первые два дня охоты были посвящены вылазкам за оленями, кабанями и другой мелкой дичью, что обеспечило нас необычайно вкусной едой. Отец брал меня с собой, это добавило мне уверенности в обращении с ружьем и винтовкой, достаточно тяжелой, чтобы свалить тигра. На второй день я застрелил большого замбара¹², и в течение последующих дней все в лагере наслаждались его нежнейшим мясом.

И вот, настал день охоты на тигра! Накануне вечером, в качестве приманки для тигра, на небольшой поляне к дереву был привязан буйвол. Той же ночью буйвол был зарезан, и по следам определили, что здесь побывал тигр. Отъев изрядную часть буйвола, он отдыхал в прохладных густых джунглях неподалеку, это естественное поведение хищника после обильного пиршества.

Рано утром наши следопыты, шесть слонов с *махутами* и *пачвами*¹³ и около 20 местных жителей отправились к месту кормежки тигра, чтобы подготовить для него ловушку. Она представляла собой длинный забор из белой ткани высотой 5 футов, растянутый вокруг того места, где предположительно отдыхал тигр. Белый цвет редко встречается в джунглях, поэтому считается, что дикие животные стараются избегать белых объектов.

После сытного позднего завтрака началась настоящая охота! Мы с отцом находились на платформе, закрепленной на спине большого слона, и держали ружья наизготовку. Наш слон стоял за белым тканевым забором, а остальные 6 слонов и загонщики приближались с противоположной стороны: они били в барабаны, металлические горшки и громко кричали. Чем ближе они подходили, тем сильнее от страха и волнения колотилось мое сердце. Несмотря на эти устрашающие методы охоты, удача в этот день оказалась на стороне тигра! Он либо ушел от места кормежки ночью, либо нашел способ избежать нашей ловушки.

---

¹² Индийский замбар (*лат. Rusa unicolor*) – крупный олень, обитает в тропических широтах на Индийском субконтиненте и в Юго-Восточной Азии.

¹³ Махут (*неп.*) управляет слоном сидя на его шее, а пачва (*неп.*) стоит на крупе слона позади специальной платформы.

Мы с отцом в поисках тигра

Не теряя времени, отец приказал строить *мачан*¹⁴, который укрепили на дереве в 15 футах над наполовину съеденным буйволом. Эта закрытая платформа сверху была укрыта ветвями, а по бокам у нее имелись небольшие проемы для обзора и стрельбы. Там мы должны были ждать, когда тигр вернется к своей добыче.

Мачан был готов к пяти вечера. Захватив с собой винтовки, факелы, воду и коробку с сэндвичами, мы залезли в мачан со спины самого большого слона, и ожидание началось! Глубокая синевая неба уже превратилась в красивый оранжевый закат, когда мы услышали первый рык, он был примерно в 200 метрах слева. Я сразу превратился в обычного испуганного 12-летнего мальчика и замер! Приложив палец к губам, отец положил руку мне на плечо, чтобы меня успокоить. Прозвучал еще один рык, на этот раз гораздо ближе, но мы всё еще не видели тигра! Пока мы всматривались в заросли, секунды казались нам часами. Нас медленно окружала темнота, постепенно возобновились обычные звуки джунглей. Мы просидели в мачане всю ночь, но тигр так и не вернулся, возможно, он учуял наш запах и проявил осторожность.

Через час после восхода солнца пришел слон, чтобы отвезти нас в лагерь. Хотя я был измучен, волнующие события предыдущей ночи очень меня впечатлили. Тогда я был разоча-

---

¹⁴ Мачан (*пен.*) – платформа на дереве, откуда охотник выслеживает крупную дичь.

рован, что мне не удалось подстрелить тигра, однако спустя годы всякий раз испытывал огромное облегчение, понимая, что в ту ночь красивое и величественное животное избежало верной смерти!

Традиция выезжать на охоту с семьей и друзьями поддерживалась до моего 18-летия, пока во время одной из таких поездок что-то во мне внезапно не изменилось. Как-то с одним из следопытов мы углубились в густые джунгли, чтобы добыть мяса для нашего лагеря. Вскоре мы вышли на след небольшого стада пятнистых оленей. Пройдя немного дальше, в 50 ярдах от нас я заметил крупного оленя с огромными рогами. Я вскинул винтовку, прицелился и начал медленно выдыхать, плавно нажимая на курок. За мгновение до выстрела я внезапно остановился, пораженный видом прекрасного животного. Казалось, я впервые вижу эту великолепную естественную красоту! Медленно сняв с курка палец, я опустил винтовку и просто стоял, наслаждаясь величиим этого животного.

Через мгновение стадо сорвалось с места и исчезло. Мой следопыт так и не понял, что произошло, но позже признался, что тоже почувствовал в тот момент нечто прекрасное. А я с того дня перестал стрелять в животных и птиц! Хотя впоследствии при каждом удобном случае я выбирался из Катманду в джунгли национального парка Читван, чтобы провести там время в приятном расслаблении и наблюдении за красивыми дикими животными в их естественной среде обитания.

Глава 4. Незабываемое путешествие из Англии в Непал

В конце длинных школьных зимних каникул 1961 года отец в очередной раз нас ошарашил, объявив, что в следующем году собирается отправиться с нами (моей матерью и братьями) в путешествие на автомобилях из Англии в Непал!

Мы поедem в «лендровере», который будет тянуть за собой специально сконструированный 22-футовый трейлер с кухней, туалетом, спальней для родителей и нашей комнатой с двухъярусными кроватями. Нас будет сопровождать на втором «лендровере» отставной летчик-истребитель (RAF fighter-pilot), полковник королевских ВВС Пол Ричи!

Это путешествие должно было стать проверкой очередной бизнес-идеи моего отца. Он решил организовать фешенебельные наземные туры (deluxe overland-tours) из Англии в Непал¹⁵ в специально сконструированных и роскошно оборудованных домах-трейлерах, оснащенных двусторонними радиопередатчиками, холодильниками и кондиционерами. Туристов в путешествии должны были сопровождать опытные водители и механики, первоклассные повара, официанты-полиглоты и, конечно же, бармен-универсал!

Четыре месяца спустя мы отправились в путь из английского Солихалла (Solihull) на двух «лендроверах» с большими черными надписями по бортам: «Из Солихалла, Англия – в Катманду, Непал». Я, родители и два моих младших брата размещались в одном «лендровере», который буксировал огромный серебристый трейлер. Он был оснащен всего двумя колесами, установленными в середине рамы, и у него отсутствовала собственная тормозная система. Эту опасность отец осознал только в пути, когда мы пережили несколько опасных эпизодов. За рулем второго «лендровера» был Пол Ричи.

Это незабываемое путешествие продолжалось почти 4 месяца и включало многочисленные интересные вылазки. Мы пересекли Английский канал из Дувра в Кале, остановились на несколько дней в Париже, затем заехали к нашим дальним родственникам в Бретань, далее в Бордо, Тулузу, Марсель, Ниццу и на север вдоль Лазурного берега. Затем через Швейцарию, где мы остановились ненадолго у друзей в Цюрихе и Берне, в Лихтенштейн и далее в Австрию, сделав остановки в Зальцбурге и Вене. Затем приехали в итальянский Триест, покатались на изящных гондолах в прекрасной Венеции, съездили оттуда в Геную, Флоренцию и Рим. Оттуда повернули на северо-восток и попали в Югославию, которая тогда еще не была разделена.

Состояние дорог тогда было далеко не таким хорошим, как в наши дни, и по мере движения на юго-восток, они постепенно становилось всё хуже и хуже. После ежедневных многочасовых поездок в «лендровере» в течение нескольких недель путешествия мы с братьями становились всё более непоседливыми. Поэтому всякий раз, когда наша энергия начинала выходить из-под контроля, отец останавливал машину и командовал: «Ладно, эй вы, трое! Вылезайте и бегите за нами, пока я не остановлюсь и не заберу вас! Он уезжал и ждал нас через пару километров, а мы, пыхтя и отдуваясь, забирались в машину и в течение нескольких следующих часов сидели уже довольно тихо».

Из Югославии мы въехали в Грецию и в течение нескольких дней двигались по побережью Средиземного моря, часто останавливаясь для освежающего купания. Однажды утром, когда мы ехали вдоль берега под жарким солнцем, мы с братьями заметили на обочине дороги черепаху. Она была размером с небольшую тарелку и лежала на спине с поднятыми лапами, не в силах встать на ноги. «Стоп, стоп, папа! Надо помочь этой бедной черепахе!» – закричали мы хором.

---

¹⁵ Первый караван из трех специально оборудованных «лендроверах» Борис провел из Солихалла в Катманду в 1957 году.

Он согласился и остановил машину. Мы вернулись к черепахе и взяли ее с собой. Проехав мило, мы обнаружили еще одну беспомощную черепаху, и она тоже была спасена! К середине дня, после еще нескольких остановок для купания, мы собрали около 20 черепах разных размеров и разместили их в нашем трейлере. Наконец, отец закричал: «Хватит, хватит!» – и положил конец нашей быстро разрастающейся коллекции. С большой неохотой мы выпустили всех черепах в их родную стихию.

Продолжая путь на север вдоль побережья Эгейского моря, мы въехали в Турцию и провели несколько дней в Стамбуле, где насладились вкусными блюдами турецкой кухни и посетили великолепную Голубую мечеть. За день до отъезда из Стамбула мы с младшим братом Ники играли на большой террасе дома, часть которой была покрыта толстыми стеклянными панелями в железных рамах. Ники зачем-то решил пройти по ним. Неожиданно стекло, на котором он стоял, лопнуло. Ему чудом удалось ухватиться за железный каркас, и он повис в десяти метрах над бетонным полом. К счастью, я был всего в трех метрах от него! Ступая по железному каркасу, я за пару секунд подобрался к нему, схватил за запястья, медленно вытащил из проема и затем отвел в безопасное место на террасе. Его бледное испуганное лицо до сих пор стоит у меня перед глазами!

Из Стамбула мы отправились в Тебриз и Анкару, затем продолжили путь в долину Гёреме и захватывающую дух «долину волшебных дымоходов и пещер», где жуткие завывания ветра заставили нас, детей, прятаться ночью в трейлере. После бессонной ночи мы поехали в Шираз, затем в Захедан, после чего въехали в Афганистан и остановились в Кандагаре.

По дороге из Кандагара в Кабул, ближе к вечеру, мы разбили лагерь. Вокруг был пустынный гористый пейзаж, всё было тихо. Внезапно мы обнаружили, что нас окружила группа бородатых, свирепого вида, всадников. Мы замерли с бешено колотящимися сердцами, ожидая в любой момент атаки, как мы думали, афганских бандитов. Отец приказал нам стоять абсолютно неподвижно. После нескольких мучительных минут молчания предводитель этого дикого отряда сделал несколько шагов вперед и, к нашему великому удивлению, приветствовал отца на ломаном английском: «Салам, сахиб! Много плохих людей в горах, мы пришли защитить тебя!»

Афганцы разбили лагерь рядом с нашими «лендровеерами». Отец поделился с ними хлебом, мясом и сыром, которые мы купили в Кандагаре. В ту ночь все мы крепко спали. На следующее утро после завтрака отец поблагодарил афганских всадников за защиту. Пригласив предводителя в трейлер, он предложил ему немного денег за то, что он так благосклонно о нас позаботился, но гордый афганец их не принял! Вскоре вся группа унеслась прочь и быстро пропала в клубах пыли.

Хотя я отчетливо помню страх и тревогу, охватившие меня в тот момент, только спустя много лет с маминой помощью я смог сложить полную версию этого, а также нескольких других ярких событий, приключившихся с нами за время долгого путешествия из Англии в Непал.

Проведя два дня в Кабуле и пополнив наши истощившиеся запасы, мы направились в пакистанскую долину Пешавар через знаменитый Хайберский проход, который соединяет Афганистан и Пакистан. К этому времени передвигаться по дорогам становилось всё труднее, особенно с наступлением темноты. Нам пришлось резко снижать скорость, чтобы объезжать глубокие выбоины, а также избегать столкновений со встречным транспортом, двигавшимся без световых сигналов.

Приближаясь к Пешавару, мы ехали безлунной ночью по необычно ровному участку дороги. Отец значительно увеличил скорость, когда его резко ослепили фары ехавшего к нам навстречу грузовика. Внезапно мы обнаружили себя несущимися напрямик в задний борт прицепа, буксируемого грузовиком. В прицепе было полно мужчин, женщин и детей из соседней деревни, и у него не было ни фар, ни задних габаритов.

Не было ни секунды на раздумья! Бросив быстрый взгляд вправо, отец мгновенно дернул руль и направил наш «лендровер» вместе с трейлером через 3-футовый кювет вниз с дороги на большое ровное поле. Не сбавляя скорости, он сделал широкую дугу и въехал с поля вверх по склону на дорогу. Машина и трейлер чудом не перевернулись! И, вероятно, это был счастливый день для местных жителей, ехавших в прицепе! Если бы мы врезались в них на большой скорости, это означало бы для них верную смерть!

Когда нас перестало трясти, мы оправились от шока и продолжили свой путь в Пешавар, где провели пару спокойных дней и ночей. Из Пешавара дорога привела нас в Исламабад, затем в Фейсалабад и Лахор. После этого мы пересекли индийскую границу и направились в Дели.

Мы ехали в сторону Дели по сельской местности по относительно неплохой дороге. Подъезжая к очередному перекрестку с примыкающей дорогой, мы издали увидели на ней человека на велосипеде, который тоже быстро приближался к перекрестку. Было очевидно, что он не станет останавливаться, чтобы нас пропустить! У нашего трейлера не было своей тормозной системы, так что не могло быть и речи о резком торможении. В этом случае трейлер могло занести так сильно, что он стащил бы наш «лендровер» с дороги!

Вид нашего лендровера, тащившего за собой длинный серебристый трейлер, совершенно загнипнотизировал этого индуса. Забыв обо всем на свете, он на полной скорости врезался в борт нашего трейлера! Мы проехали еще метров сто, прежде чем смогли остановиться. Отец бросился к окровавленному человеку, лежавшему рядом с разбитым велосипедом, и отнес его во второй «лендровер». Затем, поменявшись местами с Полом Ричи, он сел за руль второго «лендровера», заставил всех нас перебраться туда же, и мы поехали в ближайший город в надежде, что там есть больница и полицейский участок.

Отец устроил раненого в больницу и оплатил всё его лечение, а затем мы поехали в полицейский участок, чтобы заявить об аварии. Когда отец завершал свой доклад, вокруг «лендровера», в котором мы сидели, уже собралась толпа местных. Они кричали и всячески поносили нас на хинди! Потом в наши окна полетели камни и кирпичи! Два окна уже были разбиты, а мы, спрятавшись за дверьми, кричали: «Папа, папа! Спаси нас, спаси!»

На наше счастье главный полицейский оказался не только рассудительным, но и сострадательным. Он сразу понял, что толпа пришла в бешенство и в наказание готова забить нас камнями. Проталкивая отца сквозь орущую толпу и прикрывая его, полицейский крикнул ему: «Садись скорее за руль и уезжай как можно быстрее, иначе они тебя убьют!»

Запрыгнув в машину, отец завел двигатель, газанул и помчался по городу к нашему первому «лендроверу», чтобы уехать оттуда как можно быстрее! Много лет спустя мама мне говорила, что ей всё еще снятся кошмары об этом ужасном инциденте!

Далее мы без особых приключений доехали до Дели, где несколько дней отдыхали, прежде чем начать последний этап долгого путешествия, которое в конце концов привело нас к границе между Индией и Непалом в Раксауле¹⁶ (Raxaul). Мы въехали в Непал и продолжили движение по единственной в то время дороге – Трибхуван Раджпат¹⁷ (Tribhuvan Rajpath). Эта удивительная дорога с бесконечным серпантинном и острыми искривленными поворотами была закончена в 1956 году при содействии опытных индийских инженеров и названа в честь короля Непала Трибхувана. Она начинается на юге в городе Хетауда (Hetauda) и заканчивается в Наубисе (Naubise), в 25 км от Катманду. Ее общая длина составляет 116 км, хотя по прямой расстояние всего 32 км!

После тщательного осмотра обоих «лендроверов» перед утомительной и сложной дорогой мы выехали из Раксаула (Raksaul) на Трибхуван Раджпат. Проехав около 20 км, мы ока-

---

¹⁶ С непальской стороны границы находится город Биргандж.

¹⁷ «Королевская дорога Трибхувана» была торжественно открыта в декабре 1953 года, а регулярное движение по ней началось в 1956 году.

зались у довольно длинного моста, соединявшего берега реки, шумевшей футах в 40 внизу. Приблизившись, мы обнаружили, что мост находится на ремонте, в нескольких местах он был на скорую руку укреплен толстыми бамбуковыми стволами.

«Так, все на выход!» – скомандовал отец. – «Осторожно и не спеша переходите по мосту через реку. Я поеду один вместе с трейлером».

Мы с мамой и братьями, держась за руки, медленно перебрались через реку, после чего по мосту поехал отец. Он продвигался вперед дюйм за дюймом, расстояние от внешней стороны колес трейлера до края моста было меньше фута. Ориентируясь по командам Пола Ричи, отец уже приближался к концу моста, но когда до финиша осталось 15 футов, раздался громкий треск! Часть бамбуковых подпорок моста рухнула, и колесо трейлера съехало к самому краю. Трейлер сильно наклонился направо и в любой момент мог рухнуть, утащив за собой «лендровер» вместе с нашим отцом!

Когда мы с замиранием сердца следили за происходящим, позади нас началось какое-то движение. Словно из ниоткуда возникла группа крепко сложенных мужчин, и все они, человек 20, бросились к мосту. Осторожно пробравшись к трейлеру, они расположились по обе его стороны, затем кто-то отдал короткий приказ и – о, чудо! – они приподняли огромный трейлер и поставили его колеса на мост. Отец благополучно переехал через реку!

Отблагодарив всех изрядным количеством рупий, мы продолжили путешествие. Двигались мы медленно, особенно тяжелым был подъем на холмы Чурия (Churia Hills), нам приходилось преодолевать многочисленные крутые виражи, а самый длинный серпантин состоял из 12 поворотов!

Несколько часов спустя под красивым закатным небом мы доехали до Дамана (Daman) – впечатляющей видовой точки на вершине Чурийского хребта (Churia Range), откуда открывался панорамный вид на бесконечные Гималайские горы: от Дхаулагири на западе до Эвереста на востоке, во всей красе!

Мы встали лагерем в Дамане и следующим утром начали спуск в Наубисе. Нас остановили лишь пара проколов шин. От Наубисе мы поехали вверх по другой, тоже весьма извилистой дороге до Тханкота (Thankot) – основного въезда в прекрасную долину Катманду. Вскоре наш пыльный и потрепанный караван торжественно въехал на территорию гостеприимного отеля «Ройал» и припарковался в тени благоухающих магнолий. После четырех месяцев пути мы наконец-то вернулись домой!

Глава 5. Четыре интерната за семь лет!

Ни с того ни с сего сказочная жизнь и сокровенная свобода закончились, настало время интернатов, всего за 7 последующих лет я сменил 4 школы. Первой была школа Святого Ксаверия в местечке Годавари (Godavari), в 10 км к югу от центра Катманду, у подножия одноименного холма. Вокруг школы стояли пышные леса, а рядом находился ботанический сад с красивыми фонтанами, в чашах которых плескались разноцветные рыбки, посвященные индуистским богам и богиням.

Школа Св. Ксаверия в Годавари

Мне было 11 лет, и я был единственным белым мальчиком в школе, в которой числились около 150 непальских и индийских мальчиков в возрасте от 11 до 16 лет. Руководившие школой американские иезуиты были полны решимости вылепить из меня примерного ученика и хорошего католика, внося суровую дисциплину и строгую мораль в мою молодую и беззаботную жизнь.

К примеру, я был единственным мальчиком в нашем общежитии, которого каждое утро будили в шесть утра, чтобы именно я исполнял обязанности алтарника во время утренней католической мессы. В этот же пакет были включены регулярное хождение на исповедь и получение святого причастия, и всё это в то время, когда мои одноклассники еще целый час наслаждались сном до подъема в 7 утра.

Тем не менее, я искренне радовался другим сторонам моей школьной жизни, в частности, большой спортивной программе и еженедельным пешим экскурсиям по окрестным высоким лесистым холмам. Среди предметов, которые мы должны были изучать, были непальский язык и санскрит, и к концу второго года обучения я знал оба языка достаточно уверенно для того, чтобы писать сочинения. Остальные предметы преподавались нам на английском языке.

Ближе к моему 13-летию родители неожиданно сообщили, что в следующем году я буду учиться в школе-интернате в Швейцарии! «Швейцария? Но почему именно Швейцария?» – думал я удрученно. Шок от такого решения родителей усилился, когда выяснилось, что обучение в этой школе будут проходить на немецком языке! Я ведь не знал ни слова по-немецки!

Было решено, что в этом нет никакой проблемы, и через несколько дней отец нанял учителя немецкого языка, задача которого заключалась в том, чтобы всеми правдами и неправдами заставить меня бегло говорить по-немецки, прежде чем через пять месяцев я уеду в Швейцарию. «Как, черт возьми, я с этим справлюсь?» – стонал я.

Учителем оказался дородный рыжебородый немецкий художник, потерявший одну ногу во время Второй мировой войны. Уже в первые минуты нашей встречи стало очевидно, что нам будет очень трудно принять друг друга. Но у меня не было выбора! Решение было принято моими родителями, от этого было никуда не деться.

Занятия по немецкому языку проходили шесть раз в неделю по утрам на террасе отеля «Ройал». Каждый урок длился ровно 90 минут, после чего я срывался кататься на пони, чтобы выбросить из головы все, что касается Швейцарии, немецкого языка и этого ворчливого учителя!

Но с приближением момента моего отъезда в Швейцарию я с удивлением почувствовал, что между нами зарождается что-то похожее на примирение. А когда в конце последнего урока мы обменивались короткими объятиями, на глазах у нас обоих были слезы!

Его последними, сказанными мне по-немецки, словами были:

– Не попадай там, в Швейцарии, в слишком большие неприятности, маленький негодяй! Прощай, ты очень хорошо выучил немецкий!

– Спасибо, сэръ! Когда я впервые встретил вас, я подумал, что вы какой-то псих! Но вы оказались очень хорошим учителем! – ответил я. Ведь я действительно стал довольно свободно говорить, читать и писать по-немецки.

Мама полетела со мной в Цюрих, оттуда мы поехали на поезде в Цуоц (Zuoz), небольшую деревню в красивой долине Энгадин (Engadin Valley), где находилась впечатляющая территория моей новой школы¹⁸.

Я никогда не забуду последние минуты перед отъездом мамы с маленькой железнодорожной станции в Цуоце! Когда ее поезд медленно уходил, мы махали друг другу руками, а по нашим лицам текли слезы. Внезапно я почувствовал себя совершенно одиноким, жестоко брошенным в совершенно незнакомый мир!

Тем не менее, я довольно быстро адаптировался к этому миру и приобрел новых друзей, с радостью обнаружив среди учеников азиатских мальчиков. Мой немецкий оказался вполне сносным для учебы, хотя первые отметки определенно не были тем, о чем мне хотелось рассказывать домашним! Школа обеспечивала хорошее питание, комнаты на двоих, частые прогулки в горы Энгадина, где можно было встать лагерем и собирать дикорастущие цветы. Всё это, а также обилие спортивных занятий, помогло мне быстро освоиться. Мои навыки игры в теннис совершенствовались, а катание на коньках, хоккей и лыжи на близлежащем горном курорте Санкт-Мориц (St.Moritz) приносили новые захватывающие впечатления. И всё же я очень радовался длинным каникулам, которые возвращали меня к привычной жизни в Катманду.

После возвращения в Цуоц, во время второго года обучения, я получил известие от родителей, что из-за финансовых проблем они определяют меня в более дешевую школу. Мне до сих пор любопытно, не имела ли какое-то отношение к моему переводу та золотая медаль, которую я выиграл на школьном теннисном турнире? Не было ничего странного в том, что я

---

¹⁸ Школа-интернат «Luceum Alpinum Zuoz» была основана в 1904 г. и в послевоенное время стала престижным международным учебным заведением.

получил золотую медаль за игру в теннис, но действительно странным было то, что стоимость этой медали была включена в и так довольно большой ежегодный счет за обучение! Так закончились 18 месяцев в довольно приятной швейцарской школе-интернате.

С моей неукротимой Наной во время каникул в Швейцарии

Затем наступило время третьей школы, и это было нечто! Расположенная на окраине Вены, эта католическая школа для мальчиков управлялась австрийскими иезуитами. Все занятия, конечно же, были на немецком языке, и на этот раз оба моих брата учились здесь же. «Ну почему, почему я всё время попадаю в лапы этих жестоких священников с ледяными сердцами?»

Признаки неминуемой катастрофы проявились в первый же день. У каждого класса из 25—30 учеников была своя учебная комната и dormitorio¹⁹ с прилегающими к ним душевыми и туалетами. Безраздельно властвовал и управлял жизнью горемычных учеников префект, всегда одетый во всё черное. Нашим префектом был невысокий мускулистый мужчина лет около 20, он готовился принять сан священника-иезуита. Чувство взаимной неприязни возникло

---

¹⁹ Dormitorium (от *лат.* *dormitorium* – спальное помещение монахов в католическом монастыре) – в данном случае общая спальня для мальчиков.

у нас сразу, как только мы взглянули друг на друга. Для меня он стал олицетворением католического дьявола!

В первый же вечер я чистил зубы у ряда раковин в уборной нашего dormитория, вполголоса разговаривая с одним из моих новых одноклассников. Внезапно меня схватили за правое плечо и резко развернули. В следующий момент я получил сильную оплеуху по левой щеке, которая заставила меня пошатнуться. «Дьявол» нанес свой первый удар! Единственным моим утешением было то, что мой рот был полон зубной пасты, так что белая паста забрызгала всю его черную рясу. Хотя это всего лишь маленькая победа, но даже небольшие контрудары приносят удовлетворение!

Такое начало быстро переросло в утомительные ночные нотации от «Дьявола», иногда они случались по три раза в неделю. Пока мои одноклассники уютно устраивались в своих постелях, мне приходилось стоять перед ним и молча выслушивать обвинительные рассуждения о том, насколько я плохой и как мне нужно изменить свою жизнь. Но чем сильнее он пытался сломить мой дух, тем решительнее я ему сопротивлялся.

Шли дни и месяцы, я становился всё более удрученным и потерял всякий интерес к учебе. А поскольку школа почти не предлагала спортивных мероприятий, мне было еще труднее укрыться от нарастающего ощущения неудовлетворенности.

И вот, за месяц до конца учебного года я наконец написал длинное письмо родителям в Непал, где подробно описал, через что мне пришлось пройти в первый год обучения в этой австрийской школе. Я закончил письмо словами: «Вы должны забрать меня отсюда! Если в конце учебного года вы этого не сделаете, обещаю, что сбегу отсюда и буду добираться до Непала автостопом!»

Родители мне поверили и проявили сострадание! Мне было уже почти 15 и так мне удалось вырваться из лап этого «Дьявола»! Братьям повезло меньше, им пришлось пережить еще один год в австрийской школе, хотя префекты их классов проявляли гораздо меньше садистских наклонностей, чем мой.

Мои одноклассники по австрийской школе, «Дьявол» крайний слева!

Четвертая школа-интернат для мальчиков располагалась в Швейцарии, на вершине холма и в окружении вечнозеленого леса, а далеко внизу было живописное озеро и одноименный городок Цуг (Zug). С вершины холма вела извилистая дорога, но предпочтительным способом перемещения вниз и вверх был фуникулер, который работал ежедневно с 8 утра до 8 вечера.

Мне быстро понравилась новая школа, еда была качественная, спальни рассчитаны на 2—3 человек, вокруг – прекрасная природа и обилие зимних и летних видов спорта, включая теннис.

Но после года обучения в этой швейцарской школе я снова почувствовал, как во мне нарастает какое-то глубокое внутреннее беспокойство. Да, я скучал по свободе, присущей моему прежнему образу жизни в Непале, но в то же время возникло и что-то доселе неизвестное: влечение к девушкам! Нам были разрешены воскресные прогулки в Цуг, и я использовал эту возможность для знакомств и общения с девушками моего возраста, а также начал потихоньку пробовать различные алкогольные напитки.

Поскольку моя жизнь в Непале и в прежних трех интернатах была лишена каких-либо романтических эпизодов, я был очень застенчив, когда дело доходило до сближения с девушками. Но в Цуге я неожиданно познакомился с очаровательной швейцарской девушкой, которая к тому же оказалась хорошей теннисисткой. Наши встречи на корте постепенно переросли в романтические прогулки на лодке по безмятежному озеру, где я впервые ощутил трепет нежных объятий и страстных поцелуев.

Пришла зима со снегом и льдом, теперь нам было недостаточно встреч по выходным, поэтому был разработан план! Я убедил одного своего отважного и обеспеченного одноклассника после отбоя тайком сбежать в Цуг. В ванной комнате на первом этаже мы держали свертки с теплой одеждой, в которую должны были переодеться перед уходом. После отбоя мы тихонько спускались в ванную комнату, из окна которой можно было легко вылезти наружу. Поменяв пижамы на подготовленную одежду, мы выпрыгивали из окна и бежали к заранее приготовленным средствам передвижения. Это были спрятанные неподалеку невысокие быстрые сани. Лежа на них животе надо было править вниз по ледяной извилистой дороге около 2,5 км. Съехав, мы прятали сани в ближайших кустах и направлялись к ожидавшему заранее заказанному такси. Такси направлялось по адресу, где нас ждала моя девушка, обычно с подружкой, и мы отправлялись развлекаться, даже как-то раз съездили на поезде в соседний городок на карнавал.

Около 3 часов ночи мы с приятелем целовали на прощанье наших девушек и на такси возвращались к месту, где были спрятаны сани. Обратный путь был гораздо более напряженным, чем стремительный и захватывающий спуск. Мы поднимались по деревянным ступеням вдоль рельсов фуникулера с санками на спине. Но будучи в хорошей форме, мы преодолевали подъем за 45 минут. Достигнув вершины, мы снова прятали сани, залезали через окно в ванную комнату, передевались в пижамы и осторожно возвращались в свои комнаты. В общей сложности мы совершили эти захватывающие путешествия четыре раза. Удача всякий раз была на нашей стороне, и нам удалось не попасться, что иначе, скорее всего, привело бы к исключению из школы!

Месяцы пролетели незаметно. Мне исполнилось 17 лет, швейцарская девушка со своей семьей переехала куда-то далеко. Каникулы в Непале были мне не по карману, а повседневная школьная жизнь становилась всё более скучной. И тут наступили 3-недельные пасхальные каникулы! Я получил приглашение от моего дяди Бенгта из Копенгагена погостить у него, и у меня была возможность присоединиться к маме и бабушке Нане на швейцарском горнолыжном курорте Китцбюэль (Kitzbühel), где находились их друзья. Родители выдали мне деньги на проезд и небольшие отпускные. Выбирая Копенгаген, я намеревался вкусить датской

ночной жизни и дать полную свободу переполнявшей меня энергии. Так что во вторую ночь в Копенгагене я приоделся и отправился в рекомендованный дядей ночной клуб. Заплатив за вход, я прошел в дальнюю часть большого, слабо освещенного помещения, сел за небольшой столик, заказал выпивку и стал наблюдать за происходящим. Я заметил привлекательную девушку примерно моего возраста, с длинными каштановыми волосами, с которой агрессивно разговаривали двое мужчин. Все трое стояли на краю танцпола метрах в десяти от меня. Я помедлил минуту, а затем резко встал и с колотящимся сердцем подошел к ним. Изобразив удивление, я обратился к девушке по-английски: «А-а-а, вот ты где, моя дорогая! Я ждал тебя! Пойдем, у меня тут столик!»

К счастью, она свободно говорила по-английски и сразу мне подыграла. Я взял ее за руку и повел к своему столику, надеясь, что мужчины не станут вмешиваться, поскольку я бы с ними не справился. К моему огромному облегчению они оставили нас в покое, и мы сели.

Так начался захватывающий подростковый роман с Евой*, который сопровождался восхитительными открытиями. Беззаботное время внезапно оборвалось, когда однажды вечером Ева вдруг сказала:

– Ты говорил, что твои мама и бабушка отдыхают в Швейцарии. Давай, прежде чем ты вернешься в свою школу, мы доедем туда автостопом и проведем с ними несколько дней!

– Я ни за что не поеду автостопом из Дании в Швейцарию в такую холодную погоду! – ответил я. – Эй, у меня же каникулы!

– Ну и ладно! – надулась она и, не сказав больше ни слова, вышла, оставив меня сидеть в одиночестве и гадать о том, что, черт возьми, сейчас произошло!

Ранним утром следующего дня я сдался и позвонил ей:

– Ладно, поехали!

Мой дядя Бенгт видел Еву лишь однажды, когда она провожала меня до его просторной квартиры. Я сообщил ему о своем импульсивном решении и поблагодарил за гостеприимство, а он взглянул не меня с некоторым беспокойством и предупредил: «Будь с ней осторожен, малыш, она дикая!» Позже до меня дошел смысл его совета.

Три дня спустя, после утомительного и очень холодного путешествия по Дании, Германии и Швейцарии, около 9 вечера мы прибыли на виллу в Китцбюэль, где остановились мама и Нана. Я не предупредил их о нашем приезде, и, когда мама открыла нам дверь, на ее лице было удивление и недоверие. Впустив нас, она поманила меня в одну из спален и прошептала:

– Кто эта девушка?

– Долгая история, ма! – прошептал я в ответ, – я расскажу тебе позже, она моя подруга и ее зовут Ева. Но, пожалуйста, сейчас нам просто нужно помыться, поесть и как следует выспаться!

Когда Нана на следующее утро говорила с Евой, у нее были совсем иные эмоции, не было сомнений в том, что она совершенно не одобряет эту дикую молодую датчанку! Тем не менее, наши дни в Китцбюэле были заполнены катанием на лыжах по склонам для начинающих, а беззаботные ночи посвящены танцам и романтике.

Не успели мы оглянуться, как настал день возвращения в интернат. Поблагодарив маму и Нану за заботу, мы сели в поезд, идущий в Цюрих. Я пообещал маме, что из Цюриха отправлю свою датскую возлюбленную обратно в Копенгаген на поезде, и затем отправлюсь в школу. Но жизнь не следует хорошо продуманным планам! Это стало очевидным, как только мы прибыли в Цюрих. Я внезапно обнаружил свою возлюбленную в слезах, она заявила:

– Я не хочу возвращаться в Копенгаген, хочу остаться с тобой в Швейцарии!

– И как, по-твоему, это у нас получится, Ева? – взмолился я. – Нам по 17 лет, у нас нет денег, а мне надо вернуться в интернат!

Решимость и сила убеждения Евы были совершенно необыкновенными. По правде говоря, я и сам не хотел с ней расставаться! Так что нам срочно потребовался еще один гени-

альный план! Сев на поезд до Цуга, мы поднялись на фуникулере на холм. Там я показал ей небольшой пансион неподалеку от станции фуникулера и поручил ей снять однокомнатный номер. Мы договорились встретиться в ближайшем лесу с наступлением темноты, и я надеялся, что к этому времени у меня будет хороший план.

Мой лучший школьный друг был из очень богатой турецкой семьи, ранее я бывал в его красивой квартире в Цюрихе, которую его родители предоставили в его полное распоряжение. Я нашел его сразу по прибытии в школу и рассказал о своем затруднительном положении. И он тут же предложил решение! В ближайшие выходные он примет нас в своей квартире в Цюрихе, и Ева сможет остаться там, обеспеченная едой, напитками и небольшими деньгами на текущие расходы, пока мы не придумаем хороший долгосрочный план. А пока она побудет в пансионе и познакомится с достопримечательностями Цуга. Через четыре дня Ева поселилась в квартире моего друга.

В будние дни она приезжала на поезде из Цюриха в Цуг, поднималась на фуникулере на холм, и мы встречались в лесу, когда я был свободен. А по выходным я ездил в Цюрих, был с ней всю субботу, возвращаясь в школу в воскресенье вечером. Такой расклад нас очень устраивал, и я чувствовал себя счастливым молодым мужчиной!

Но, увы, это длилось недолго! Однажды в пятницу моя возлюбленная приехала к школе и ожидала в лесу нашей обычной тайной встречи. Совершенно неожиданно началась сильная гроза, она накрыла всю вершину холма и школу, дождь лил несколько часов. Фуникулер закрыли, а автомобили не могли ехать в гору по извилистой дороге. Что еще хуже, все комнаты в пансионе были заняты. «Черт, что же делать?» – я отчаянно ломал голову. И внезапно вспомнил нашего кухонного работника-итальянца, с которым я подружился за последние два года. У итальянцев на территории школы был отдельный дом, и я направился туда. Выслушав рассказ о моей безвыходной ситуации, он придумал стратегию, которая могла бы сработать. Обсудив всё с соседом, он великодушно предложил Еве свою комнату, а сам отправился спать в другое место. Поскольку в ту ночь вся итальянская команда устраивала вечеринку, они пообещали, что наша договоренность не привлечет излишнего внимания. Это выглядело вполне безопасно!

Но когда с наступлением темноты я осторожно проводил свою возлюбленную в выделенную комнату, меня внезапно охватила тревога: «Дом, полный выпивающих и празднующих итальянских мужчин, и красивая молодая женщина с ними в доме! Не опасно ли это для нее? Я не могу оставить ее одну в эту ночь!»

Подумав так, после отбоя я выскользнул из школьного здания, постучал в ее дверь особым образом, мы заперлись изнутри и провели восхитительную ночь! На следующее утро я

встал до рассвета и попросил Еву сесть на первый же фуникулер, спускающийся в Цуг. Затем, украдкой пробравшись в спальню, я скользнул в кровать в надежде поспать пару часов.

Когда все мы, как обычно, построились перед большой столовой, ожидая звонка на завтрак, я заметил, что директор школы как-то странно на меня смотрит. «Безусловно, он ничего не может знать! Как это возможно?» – успокаивал я себя. Все было спокойно, пока за обедом к моему столу не подошел учитель и не прошептал мне на ухо: «Директор хочет видеть тебя сейчас же!»

Я поднялся и на негнущихся ногах направился к директорскому столу. «Зайди ко мне офис после обеда!» – приказал он.

Тут я понял, что меня кто-то выдал! Удача, до сих пор сопутствовавшая, испарилась! В кабинете директора я изо всех силы пытался дать исчерпывающие объяснения тому, что произошло прошедшей ночью, приводил всевозможные уважительные причины, но, к сожалению, не получил ни сочувствия, ни сопереживания!

«Ты мне нравишься, но ты зашел слишком далеко!» – сказал директор, глядя мне в глаза. «Сегодня утром я получил очень тревожный доклад о том, что произошло вчера вечером в доме итальянских рабочих. Я провел совещание, и все учителя решили, что школа не может терпеть такое поведение. Ты немедленно исключен из этой школы! Я уже уведомил твоих родителей телеграммой и постараюсь связаться с ними по телефону».

Так закончилось мое бурное путешествие по четырем разным школам-интернатам, а вместе с ним и мое формальное образование! Помимо английского, я выучил непали, хинди, немецкий, французский и латынь (что впоследствии оказалось полезным для изучения других языков), а также овладел основами математики. Чему еще могла научить меня школа? Кроме этого, я сэкономил родителям кучу денег!

А если вам интересна судьба нашего страстного датского романа, то – увы – он закончился. Шесть недель спустя нам, со слезами на глазах, пришлось расстаться, так как мои попытки добыть денег на самолет, чтобы забрать ее с собой в Непал, потерпели неудачу. Я даже пытался оплатить путешествие в Непал по морю за счет возврата моего авиабилета, но и это не удалось. Не осталось ничего другого, как посадить Еву на поезд в Копенгаген, а самому отправиться в Непал.

Глава 6. Первые вызовы взрослой жизни

После бурной смены радостей и бед, которые я переживал в четырех школах-интернатах, моя жизнь в Непале была похожа на какое-то безвременье. С момента нашего расставания прошел уже год, и я еще тосковал по датской подруге. Но письма из Непала в Данию шли долго, и мои воспоминания о ней постепенно стали угасать.

Однажды холодным зимним вечером я сидел у пылающего камина в баре «Як и йети» в отеле «Ройал», ко мне присоединился мой хороший друг Брайан, английский парикмахер. Слегка подтолкнув меня локтем, он сказал: «Эй, Миш, в бальном зале идет веселая коктейльная вечеринка. Давай-ка, забудем о прошлом и посмотрим, что там происходит!»

Я нехотя согласился. Зайдя в свою комнату, я надел свежую одежду, набросил на плечи самый красивый пиджак и побрел на вечеринку. Мое внимание сразу привлекла молодая женщина в мини-юбке со стройными ногами и спадающими до талии темными волосами. Чтобы придать себе уверенности, я быстро опрокинул большую порцию виски, затем подошел к ней и представился.

Так началась новая глава моей жизни! Восемь месяцев спустя мы поженились. Медовый месяц мы провели в Покхаре в недавно построенном отеле «Фиштейл» («Fishtail Lodge») на озере Фева, в зеркальной глади которого во всем великолепии отражается гора Мачхачхаре (Machhapuchchhare, Рыбий хвост), в компании веселого управляющего Фреда Баркера и его обходительного персонала. Фред набирал сотрудников отеля в удаленных районах непальского среднегорья и обучал их гостиничному делу. В этих непальских мужчинах и женщинах с холмов сохранялись простодушие и детская невинность, они проявились в двух забавных эпизодах.

Первый случай произошел еще в 1950-е годы. До появления в Покхаре автомобилей все гости прилетали в долину по воздуху. Когда, кружа в небе, на травяную взлетно-посадочную полосу крошечного аэропорта Покхары готовился приземлиться первый самолет, понаблюдать за этим загадочным явлением собралась взволнованная толпа местных жителей. Среди них разгорелись оживленные споры, главный вопрос был простым и понятным: «Ва-а-у, никогда в жизни мы не видели такой большой птицы! Если нам удастся ее поймать, будет ли ее мясо нежным и вкусным?»

Второй случай произошел вскоре после того, как в аэропорту Покхары приземлился самолет большего размера, перевозивший джип. Взволнованная толпа уже собралась, задний люк самолета медленно опустился на землю, и по нему, как по пандусу, на поле выехал джип. «Смотрите, смотрите!» – закричали все, – «у той большой птицы только что родился птенец!» Ну как можно не любить людей, чьи сердца сохраняют такую милую невинность?

Благодаря связям моих родителей с датско-непальским обществом дружбы, им удалось устроить нас с женой на стажировку в знаменитый отель «САС Ройал» («SAS Royal») в Копенгагене. Я оказался в департаменте еды и напитков, а жена училась на горничную.

Мы приехали в Копенгаген через 3 месяца после свадьбы, и у нас началась повседневная трудовая западная жизнь. Для меня это было мучительно! Вдобавок, первая крошечная квартира, которую нам удалось найти, располагалась в самом центре квартала «красных фонарей» в Копенгагене!

По правде говоря, я был избалован комфортной жизнью в Непале и слугами, готовыми прийти по первому зову. Так что мои попытки приспособиться к новому образу жизни были весьма неуверенными и сопровождались некоторым высокомерием с моей стороны: я попадал в неприятные ситуации и конфликтовал с управляющими отеля.

Мне приходят в голову два злополучных инцидента. В первом случае мне было поручено обслуживать стол в главном ресторане отеля, за которым расположились четыре пары испанцев. В качестве аперитива все заказали пиво. Осторожно ступая, я приблизился к их столу с восемью уже открытыми бутылками «Туборга» на деревянном подносе. Когда я слегка наклонился вперед, чтобы поставить на стол первую бутылку, поднос как-то сам собой наклонился и остальные 7 бутылок съехали прямо на колени одной из дам, обдав ее пенящимся пивом. Парализованный и пунцово-красный от такого конфуза, я смог произнести только следующее: «Por favor... perdoname senora!»²⁰

По выражениям лиц присутствовавших трудно было судить, кто потрясен больше – гости или я. Управляющий ресторана пришел в ужас и мгновенно отреагировал на эту досадную неприятность, заменив меня другим официантом!

Второй не менее постыдный инцидент тоже произошел в главном ресторане отеля. Было время ужина, большинство столиков были заняты веселящимися гостями. Мне было поручено помогать в обслуживании банкета, который проходил в смежном зале. Помещения были соединены между собой двумя парами распашных дверей, через полтора метра одна от другой. Пока я проходил первые двери, другой официант передо мной уже прошел вторые. Возможно, он не знал, что я иду прямо за ним, и позволил двери с силой распахнуться, так что она врезалась в мое правое бедро! Обеими руками я с трудом удерживал основательно загруженный поднос с грязными тарелками. Потеряв равновесие, я стал заваливаться налево. Сразу за дверью слева стояла высокая китайская ширма, а за ней – полностью накрытый стол на 10 персон. Вцепившись обеими руками в гигантский поднос с грязной посудой, я налетел на ширму, ширма упала на накрытый стол, переливчатый звон бьющихся тарелок и бокалов заполнил все пространство пафосного ресторана! Ширма, стол, несколько стульев, почти весь хрусталь и приборы – всё это рухнуло на укрытый коврами пол, и поверх всего оказался я со своим подносом и грязными тарелками! Наступила полная тишина! «О-о-о, мальчик мой, на этот раз ты превзошел самого себя!» – охнул я. «Как, черт подери, ты думаешь выбираться из этой ситуации?»

На следующее утро меня вызвали в офис генерального директора. Напротив сидел менеджер департамента еды и напитков, директор сразу перешел к делу. «Ваше обучение в отеле окончено!» – прорычал он. «Забирайте вещи из шкафчика и покиньте этот отель! В вашем контракте указано, что мы должны предоставить вам с женой обратные билеты в Непал, так что можете забронировать рейс и забрать свои билеты в кассе уже завтра!»

Так всё закончилось! Принимая во внимание инциденты в отелях, мне надо было искать место получше. Помимо злключений в отеле, шестью неделями ранее, когда я на арендованной машине возвращался с женой домой с пасхальной вечеринки от моего дяди, я был задержан полицейскими. На обледенелой дороге мою машину занесло, я совершил полный разворот на 360 градусов и умудрился остановиться прямо рядом с припаркованной полицейской машиной. Результаты алкотеста не оставили сомнений в моем сильном алкогольном опьянении. Сваренное по особому случаю пасхальное пиво, которым мы наслаждались в тот вечер у дяди, оказалось довольно крепким. Вследствие этого мне пришлось провести ночь в крохотной и невероятно вонючей камере в полицейском участке, и вдобавок заплатить огромный штраф! Это была первая, но далеко не последняя неудачная встреча с правоохранительными органами во время путешествий по разным странам. Но впрочем, обо всем по порядку.

Через неделю после «приказа на выход» от генерального директора отеля мы с женой прибыли в аэропорт Копенгагена и на стойке «Скандинавских авиалиний» предъявили билеты экономического класса. Проверив список пассажиров, молодая регистраторша подняла на нас глаза и с улыбкой сказала: «Сэр, нам пришлось перераспределять вес при загрузке самолета. Не будете ли вы возражать, если мы пересадим вас с женой в первый класс?»

---

²⁰ (исп.) – «Пожалуйста, простите меня, сеньора!»

Жизнь определенно пошла в гору! В Непал мы летели первым классом, в комфорте и роскоши, отмечая наше возвращение шампанским, икрой, копченым лососем, вкусными горячими блюдами и безудержным весельем!

В целом моя стажировка в департаменте еды и напитков в Копенгагене длилась 18 месяцев: год я работал на кухне и 6 месяцев в ресторане и баре. Первые 6 недель работы на кухне состояли из ежедневного мытья бесконечной череды грязных кастрюль и сковородок, но после этого мне представилась возможность узнать много нового о приготовлении западной пищи. И, помимо дорого обошедшегося мне урока о том, чего не стоит делать обслуживая гостей, время обучения в ресторане, баре и банкетном зале дали мне много знаний о подаче разнообразной еды, вина и коктейлей. Моя стажировка в «САС Ройал» определенно была не напрасной!

Вернувшись в Катманду, я к своему ужасу обнаружил, что отеля «Ройал» больше не существует²¹! По не понятным мне до сих пор причинам, мой отец не смог продлить договор на аренду дворца, и был вынужден от него отказаться. Но, верный своему неукротимому духу, он довольно быстро арендовал другой дворец под названием «Лал Дарбар» (Lal durbar, «Красный дворец»), напротив королевского дворца. Не теряя времени, он перенес туда всё, что мог, из отеля «Ройал». Благодаря художественным талантам и финансовой поддержке моей матери, он превратил большое Г-образное крыло дворца в красивый бар и ресторан с прилегающими кухнями и кладовыми. Там также был большой бальный зал с бархатными драпировками, новым паркетным полом, большими зеркалами в золоченых рамах, хрустальными люстрами и очень яркой фреской, покрывающей всю стену в слегка приподнятой задней части зала. Эта фреска была написана миссис Б. Келлас, супругой британского посла, работавшего в то время. На фреске была остроумно изображена долина Катманду со многими ее достопримечательностями, уникальными местами и персонажами. На верхнем этаже дворца находилась большая квартира моих родителей, а этажом ниже несколько меньшая, но элегантная квартира с эркерами и прекрасной росписью на потолке, для нас с женой.

Ресторан был назван «Як и йети», как и в отеле «Ройал», а тамошний прекрасный камин с отделанным медным декором дымоходом, спроектированный моей мамой, был перенесен в новый каминный бар.

Были уложены новые паркетные полы, после удаления старой глиняной штукатурки с внутренних стен высотой 15 футов интерьер бара полностью состоял из кирпичной кладки с размещенной в нишах красивой старинной непальской резьбой по дереву. Основная обеденная зона отделялась двумя высокими арками от полукруглой каминной комнаты с круглым камином. Вдоль полукруглой стены стояли небольшие столики с диванами, за которыми могли удобно расположиться около 16 человек. Диваны размещались под окнами, снабженными сетками, которые пропускали прохладный воздух и защищали от насекомых. Над длинной барной стойкой с мраморной столешницей на стене были смонтированы 3 больших неварских окна²² с красивейшей резьбой, с каждого окна свисали длинные косы сушеного красного чили и чеснока, как это до сих пор можно видеть в Непале на окнах деревенских домов.

---

²¹ Отель «Ройал» закрылся в 1969 г., когда у его владельца, непальского принца Басундхары Бир Бикрам Шаха закончились деньги на его содержание.

²² Неварское окно – образец изысканной деревянной резьбы, элемент неварского кирпичного дома. Искусство резьбы по дереву достигло своего пика в неварских княжествах долины Катманду к XVIII в.

Глава 7. Начало внутреннего путешествия

Моя работа в ресторане «Як и йети» никогда не бывала скучной! В холодные зимние месяцы все места у пылающего камина были заняты колоритным и ярким гостями. Среди них бывали обычные туристы, дипломаты из посольств разных стран, пестрые хиппи с гитарами, любопытствующие чиновники непальского правительства, всеведущие местные и иностранные репортеры, разговорчивые торговцы антиквариатом, загорелые трекаеры и альпинисты со всего мира, экспатрианты, давно живущие в Непале, представители международных фондов помощи и старинные друзья моих родителей, внезапно прибывшие из дальних стран.

Вечера в ресторане «Як и йети» обычно начинались довольно сдержанно. Но после того, как наши вкусные, но крепкие, коктейли и приготовленная Борисом водка по особому рецепту делали свое дело, а гитары начинали подыгрывать хиппи, исполнявшими хриплыми голосами популярные песни 60-х, все поверхностные маски спадали одна за другой. К полуночи все различия в национальности, профессии, убеждениях, социальном статусе и собственной значимости исчезали как по волшебству! Оставалось веселое и открытое сообщество людей, искренне радующихся жизни у пылающего камина!

Среди путешественников, которые следовали по «тропе хиппи» в Катманду и впоследствии посещали ресторан «Як и Йети», были известные поэты и предприниматели, которые организовали в Непале разнообразные легальные и нелегальные предприятия. Многие из них обзавелись соответствующими прозвищами, и я хотел бы назвать некоторых, с кем сам был знаком. Были поэты: Айра Коэн со своей эпатажной партнершей Петрой Фогт, Ангус Маклайз с очаровательной женой Хетти, Чарльз Генри Форд и Джон Чик. Среди предпринимателей и арт-дилеров были: Вэйви Грейви, Восемипалый Эдди, Том Тент, Датч Боб, Энди Инглиш, Бэд Эд, Марк Байк, Тед Гунн, Печатник Джеймс, Кисло-сладкая Сью, Австралийка Роза, Капитан Дэвид, Кислотный Пол и Грибной Джон.

В особых случаях общение включало и косяки с марихуаной высшего качества, которые щедрые хиппи пускали у камина по кругу, давая насладиться всем желающим! К счастью, Борис и Ингер предпочитали до полуночи удалиться в свою тихую квартиру наверху, иначе я получил бы строгий выговор за нарушение этикета! «Э-эх, эта прекрасная и беззаботная эпоха 70-х в Катманду!»

В конце марта 1971 года в Катманду, в миссионерской больнице «Шанта Бхаван» родился наш замечательный сын Николас. Это была та самая больница, куда 14 лет назад меня доставили без сознания после падения с огромного дерева.

Примерно через полгода в ресторане «Як и йети» с небольшой свитой появился известный индийский киноактер и режиссер Дев Ананд (Dev Anand). В детстве я с удовольствием смотрел популярные индийские фильмы с его участием, например «Похититель драгоценностей» («Jewel Thief», 1967). После того, как вызванное его неожиданным появлением небольшое столпотворение утихло, Дев Ананд заказал ужин и пригласил меня присоединиться. Обнаружив, что я бегло говорю на непали и живу в Катманду, он предложил мне работу. Фильм, который он на этот раз снимал в Непале, назывался «Харе Рама, харе Кришна»²³ и рассказывал о девушке-подростке из высокой индийской касты, сбежавшей в поисках любви и свободы от родителей и скрывавшейся в общине хиппи в Катманду.

---

²³ Фильм «Hare Rama Hare Krishna» (1971) на хинди, см: <https://archive.org/details/hare-rama-hare-krishna-classic-collection>. Помимо крутых вечеринок хиппи, в фильме запечатлен Катманду начала 1970-х годов. Фильм был дублирован на русский язык и выходил в прокат под названием «Брат и сестра».

Многие сцены снимались ночью, работа обычно начиналась около полуночи и продолжалась до рассвета. Моя работа заключалась в том, чтобы человек 50, а иногда и сотня хиппи, своевременно оказывались там, где они нужны для съемок конкретной сцены. Их нужно было притащить в ту или иную часть Катманду, убедив в том, что им не только заплатят, но и обеспечат едой и напитками.

Мой гонорар как «менеджера хиппи» мы с мистером Анандом на первой встрече не обсуждали. Мне в этом фильме была обещана небольшая роль²⁴. У меня было свободное время утром и после работы, и моя жена была вполне довольна тем, что остается дома с сыном, так что я решил принять это предложение.

Собрать хиппи было относительно легко, а после начались сложности. Например, нужно было убедиться в том, что у них достаточно еды и питья. Потом возникла задача по сопровождению хиппи в непальскую иммиграционную службу, где я должен был уговаривать непальских чиновников продлевать им просроченные визы! Через пару недель этого безумия я был близок к нервному срыву! Смертельно уставший, я сдался и пошел к Деву Ананду. Сообщив, что не смогу продолжать начатое, я попросил его выплатить мне гонорар за выполнявшуюся в течение 6 недель работу. Разумеется, мне не заплатили ни рупии!

И всё же, это время не прошло впустую! В фильме довольно часто фигурировали сцены типичных хиппи-вечеринок с их диким весельем, музыкой и танцами. Толстые косяки марихуаны и сносящие крышу *чиллумы*²⁵ гашиша ходили по кругу как знаки дружбы и свободной любви. Многие молодые женщины излучали красоту и изящество, а вплетенные в их распущенные волосы ароматные цветы делали их чрезвычайно привлекательными. Поэтому неудивительно, что, несмотря на мои лучшие намерения и моральные обязательства женатого мужчины, мое сопротивление несколько раз рушилось, и я беспомощно, но радостно, поддавался их неодолимым чарам!

Но было еще кое-что важное. Помимо наслаждения хаотичными и волнующими ночными съемками в потрясающих местах, однажды ночью я случайно открыл для себя одну новую черту Катманду. Вот что произошло в ту памятную ночь.

Съемки в тот вечер были отменены, и я шел домой один по тускло освещенной улице Асан (Asan). Внезапно я услышал разливающиеся в воздухе незнакомые прекрасные звуки, они трогали что-то глубоко внутри меня. В поисках источника чарующей музыки я остановился и прислушался. Мне показалось, что она доносится из близлежащего храма. Войдя во внутренний дворик, я разглядел несколько пожилых непальских музыкантов, которые сидели на полу открытой террасы и играли на традиционных музыкальных инструментах, сопровождая игру негромким пением. Прямо на земле напротив них сидело около двадцати мужчин и женщин, которые пели вместе с ними. Очарованный гармонией и мелодичностью музыки, я тихо устроился позади группы. Время словно замедлилось, и я почувствовал, как музыка перенесла меня в параллельное измерение, полное красоты и покоя. Позже я узнал, что такая музыка традиционно исполняется в Непале и в Индии, эти песнопения называются *бхаджана*²⁶, они основаны на определенной духовной или религиозной теме. Я обнаружил, что в долине Катманду во многих почитаемых храмах регулярно исполняются бхаджаны, и стал довольно часто их посещать, позволяя завораживающей музыке уносить меня вдаль.

Прошло уже полгода, строительство отеля «Як и йети» шло черепашьими темпами, и, так как мое участие в управлении рестораном стало не столь необходимо, было решено, что я должен продолжить обучение. С учетом этого отец заключил соглашение с двумя гранди-

---

²⁴ Миша появляется в кадре в эпизоде после знаменитой песни «Dum Maro Dum» на отметке 1:07:47.

²⁵ Чиллум (*chilum*) – азиатская трубка, как правило, керамическая, реже каменная.

²⁶ Бхаджан (а) (*sanskrit*) – лирическое песнопение, выражающее чувства любви и преданности Богу.

озными 5-звездными отелями в Лондоне, весьма уважаемыми заведениями, сохранившимися со времен Британской империи.

Без лишних слов мы с женой и нашим маленьким сыном отправились в Лондон, но по прибытии туда обнаружили, что ни в одном из отелей для меня пока нет вакансии. Поскольку денег у нас было немного, и я находился в поисках хоть какой-то работы, мы сняли небольшую квартиру в Сербитоне, в районе Кингстон-на-Темзе (Surbiton, Kingston-upon-Thames). Вдобавок выяснилось, что у маленького Николаса что-то не так с бедром, он часто жаловался на сильную боль и плакал. Поэтому мы поместили его в больницу в городке Кингстон, в полчаса езды от Сербитона. Единственное, что я смог найти, была работа носильщика в большом универмаге в Кингстоне. И хотя для моего самолюбия это было довольно серьезным испытанием, вместе с тем, это было и хорошим уроком! Кроме того, близость места работы к больнице позволяла мне ежедневно навещать Николаса.

В то время мне был всего 21 год и, когда дело доходило до повседневных забот, я был очень наивен, иногда до такой степени, что чувствовал себя, скорее, старшим братом своего маленького сына, чем отцом! Моя жена, напротив, всегда была очень практичной и умела справляться с трудными житейскими ситуациями. И, кроме этого, у нее был замечательный природный дар в области альтернативной медицины.

Видеть маленького Николаса, стоящего в больничной кровати в жестком пластиковом корсете от груди до колен, было душераздирающим зрелищем для нас обоих. И в то же время он с раннего возраста обладал способностью преодолевать трудности, и его лицо всегда светилося улыбкой, когда он видел, что мы пришли его навестить.

Шли месяцы, но в больнице так и не смогли поставить точный диагноз, поэтому мы решили забрать сына и искать альтернативное лечение. Жена обратилась к известному индийскому врачу в Лондоне, который разбирался как в аллопатической медицине, так и в гомеопатии. Через неделю после того, как Николай попал под наблюдение доктора Шармы, его пластиковый гипс был снят, и было назначено гомеопатическое лечение. Довольно скоро здоровье сына стало улучшаться. Предполагаемой причиной слабости бедренной кости Николаса было то, что в больнице Катманду ему слишком рано сделали прививку БЦЖ²⁷, в связи с этим одна его нога росла медленнее, чем другая.

Монотонная работа в универмаге медленно меня изматывала, поэтому, забрав Николаса из больницы, я уволился. А незадолго до увольнения произошло нечто важное. Получив в пятницу еженедельную зарплату, я почувствовал, что мне необходим перерыв и отправился в ближайший паб, который мне нравился. В те дни моим любимым напитком был шотландский солодовый виски и я, не теряя времени, начал пробовать один за другим различные представленные в пабе сорта.

Я уже наслаждался третьим напитком, когда к стойке подошел незнакомец и сел рядом со мной. Вежливо представившись, он начал беседу и задал несколько вопросов о моей жизни. Мне понравилась необычная откровенность этого англичанина средних лет по имени Джон, и я был рад, что рядом оказался человек, с которым можно поговорить откровенно. Оказалось, что он разделяет мое пристрастие к солодовому виски! Прошло несколько часов, и мы попробовали еще несколько сортов. К тому моменту, когда мы уже сидели напротив друг друга за небольшим столиком, Джон неожиданно спросил, слышал ли я о духовном учителе по имени Георгий Гурджиев²⁸. Когда я ответил, что ничего о нем не знаю, он стал рассказывать о его книге под названием «Всё и вся» с подзаголовком «Рассказы Вельзевула своему внуку».

---

²⁷ БЦЖ (*фр.* Bacillus Calmette-Guérin, BCG) – вакцина против туберкулеза.

²⁸ Георгий Ианович Гурджиев (1866—1949) – мистик греко-армянского происхождения, основатель оригинального учения.

То, о чем говорил этот бородатый англичанин, глубоко меня заинтересовало и породило множество новых вопросов. Паб закрывался, поэтому для продолжения разговора Джон пригласил меня к себе, я согласился, и мы поехали в его уютный дом. Жена и дети уже спали, а мы продолжали говорить и пить виски до двух ночи, пока большое количество хорошего алкоголя и глубоко тронувший меня разговор не сделали свое дело. Заметив это, мой новый друг предложил отвезти меня домой, и через полчаса я крепко спал дома в Сербитоне! Я пока не знал, что эта случайная встреча в английском пабе вскоре приведет к радикальному повороту в моей жизни!

Вскоре после увольнения из универмага в Кингстоне я получил письмо из отдела кадров знаменитого лондонского отеля «Савой», в котором сообщалось, что для меня открыта вакансия в их главном баре. При встрече с менеджером по персоналу, к своему ужасу я обнаружил, что моя форма состоит из белой рубашки с жестким воротничком и черным галстуком-бабочкой, черных брюк, черных туфель и традиционного британского черного фрака с «ласточкинским хвостом»! Мало того, этот наряд я должен было купить на свои деньги! Что было делать, потратив небольшое состояние на покупку ужасной униформы и совершив часовое путешествие на поезде и автобусе из Сербитона, я явился на свой первый рабочий день в эксклюзивный бар отеля «Савой»!

Там я продержался всего 6 дней! Меня раздражали не только напыщенные и чопорные члены руководства. Мои коллеги вели себя с таким нескрываемым снобизмом и подхалимством, что в конце шестого рабочего дня я вступил с одним из них в жестокий спор. Швырнув поднос на барную стойку, я вышел из бара, переоделся в обычную одежду, засунул практически новую униформу в мусорный бак и направился домой. «Хорошего понемножку! Но, черт возьми, я должен как можно скорее найти новую работу!»

К тому времени я чувствовал не только неудовлетворенность, но и беспомощность от того, что происходило в окружающем мире и в моей жизни. Я начал читать книги по философии и психологии таких западных мыслителей как К. Юнг, С. Кьеркегор, Ф. Достоевский, Г. Гессе, З. Фрейд, В. Райх, отчаянно пытаюсь найти какую-то значимую цель своей жизни. Хотя чтение этих книг способствовало размышлениям и самоанализу, оно принесло мне лишь поверхностные знания, которые провоцировали путаные и безрезультатные споры с друзьями и незнакомыми людьми. Эти знания лишь царапали по поверхности подлинного понимания человеческой природы и приводили меня в еще большее уныние!

Как бы то ни было, через пару дней я нашел работу садовника в величественных садах Хэмптон-Корта (Hampton Court Gardens), расположенных всего в получасе езды на поезде от нашей квартиры. У меня не было опыта садоводства, но существующая любовь к деревьям с раннего детства помогла мне быстро освоиться. Вскоре я уже вовсю занимался садоводством: сажал яркие цветы, подстригал экзотические кустарники, обрезал необычные сорта деревьев, удобрял и поливал все эти прекрасные растения. И эта работа приносила мне удовольствие! Хотя оплата была невысокой, мне нравилось работать с вежливыми и добродушными садовниками, которые были моими начальниками и коллегами.

Три месяца спустя я получил письмо из прославленного отеля «Клариджес» («Claridges Hotel») в Лондоне, которым меня уведомили, что для меня открылась вакансия в отделе контроля продуктов питания и напитков. С неохотой я бросил работу в прекрасных садах Хэмптон-Корта и приготовился, как я пытался себя убедить, к еще одному новому и ценному опыту. Поездка на поезде и автобусе до этого отеля также занимала около часа. Вместо черной бабочки и фрака с ласточкиным хвостом от меня требовалось носить в офисе костюм и галстук. Однако большинство моих коллег по офису принадлежали к британскому высшему классу, и надменная атмосфера мешала завязать с ними искреннюю дружбу. Поэтому во время перерывов я просто заходил в ближайшую кофейню выпить капучино и осиливал очередные несколько

страниц книги Гурджиева «Всё и вся». Многие места в этой книге было очень трудно понять, потому что всякий раз, если не находилось подходящего английского слова, он просто придумывал новые слова из смеси нескольких языков, включая греческий, латынь и какие-то еще старые языки!

После полугода работы в отеле я понял, что вполне овладел основами управления отделом питания и напитков, а моя дальнейшая работа – просто предоставление отелю дешевой рабочей силы. Поэтому, получив очередную мизерную зарплату, я сообщил начальнику отдела, что ухожу. Он предложил мне повышение и более высокую зарплату, но я поблагодарил за ценный опыт, полученный под его руководством, и отправился домой.

Вскоре последовали еще два отеля. В течение двух месяцев я работал на стойке регистрации в качестве администратора и сотрудника фронт-офиса в отеле «Траст хаусез форте» («Trust Houses Forte»). А затем три месяца в качестве помощника менеджера в 3-звездном отеле в самом центре Лондона. Хотя я понимал, что набираюсь полезного опыта для своей будущей работы в отеле «Як и йети» в Катманду, но в то же время жизнь в западном мире всё больше меня подавляла. «Что же делать? Как это изменить? Как вернуть в мою жизнь подлинную удовлетворенность и благополучие?»

И тут блеснул луч надежды! Я уже несколько раз навещал Джона, с которым мы повстречались в пабе в Кингстоне-на-Темзе, и стал считать его в некотором роде своим наставником в поисках «более глубокого понимания». Наши семьи к этому времени стали довольно близки, хотя он переехал со своей семьей в просторный дом в небольшой деревне под названием «Бёртон-он-Уотер» (Bourton-on-the-Water) в Глостершире (Gloucestershire).

Однажды вечером позвонил Джон и любезно предложил нам пожить с ним и его семьей в сельском Глостершире. Мы с благодарностью приняли такое милое приглашение и через неделю переехали в его просторный дом в окружении природы сельской Англии. Но, несмотря на добросердечную поддержку, которую мы получили, я не мог избавиться от гложущей меня странной депрессии. Эта безнадежность разрушала мои отношения с женой и тяготила заботливую семью, которая разделила с нами дом. Полный печали, я решил пожить некоторое время один, периодически навещая своего друга и наставника и продолжая наши беседы.

И вот однажды вечером, когда мы уже распили бутылку солодового виски, произошел прорыв! Джон стал рассказывать об уникальном «гурджиевском курсе», который планировался в соседней деревне Шерборн (Sherborn) через три месяца, в сентябре. Этот 10-месячный курс организовывался «Международной академией непрерывного образования»²⁹ под руководством ее основателя Джона Беннетта³⁰. Этот замечательный человек много лет был близким учеником и последователем Г. Гурджиева. Заявленный курс был уже третьим курсом такого рода. Джон подробно описал мне ход занятий³¹ и, несмотря на поздний час и обилие виски, я мгновенно проснулся!

В курсах принимали участие до сотни учеников в возрасте от 18 до 80 лет. Они проходили интенсивное обучение техникам, которым мистер Беннетт научился у Г. Гурджиева и других наставников за 50 лет своего духовного поиска. Помимо изучения многочисленных «гурджиевских движений» (мистических танцев) и медитаций, все работы в академии – приготовление еды, животноводство, уход за огромным зданием, садами и полями – должны были выполнять ученики. «Неужели это тот прорыв, которого я так отчаянно ждал?»

---

²⁹ см.: <https://sherbornehousephotos.com>

³⁰ Джон Годолфин Беннетт (1897—1974) – ученик Г. Гурджиева, автор многих книг по психологии и духовности, также участвовал в синкретическом неосуфийском движении субуд.

³¹ Джон участвовал в первом гурджиевском курсе Д. Беннета двумя годами ранее, в 1971 г.

Глава 8. Открытие новых горизонтов

Следующим утром я сидел в саду, моя голова еще кружилась от смеси будоражащих разговоров и изрядного количества виски, принятого прошедшей ночью. Неожиданно из дома вышел Джон, сел напротив меня и перешел к делу: «Если ты действительно хочешь участвовать в гурджиевском курсе, нужно принять решение прямо сейчас и сегодня же поговорить с мистером Беннеттом! Я с удовольствием отвезу тебя в Шерборн-хаус и представлю ему!»

Час спустя я стоял в просторном холле имения в Шерборне, ожидая, когда спустится мистер Беннетт. Дрожа от предвкушения, я одновременно сдерживал сильное желание сбежать, пока есть такая возможность. Мгновением позже мистер Беннетт вышел из своего кабинета и стал спускаться по широкой лестнице: высокий широкоплечий мужчина с взъерошенной копной седых волос и пронизательными глазами. Остановившись в нескольких футах, он пристально посмотрел на меня и спросил:

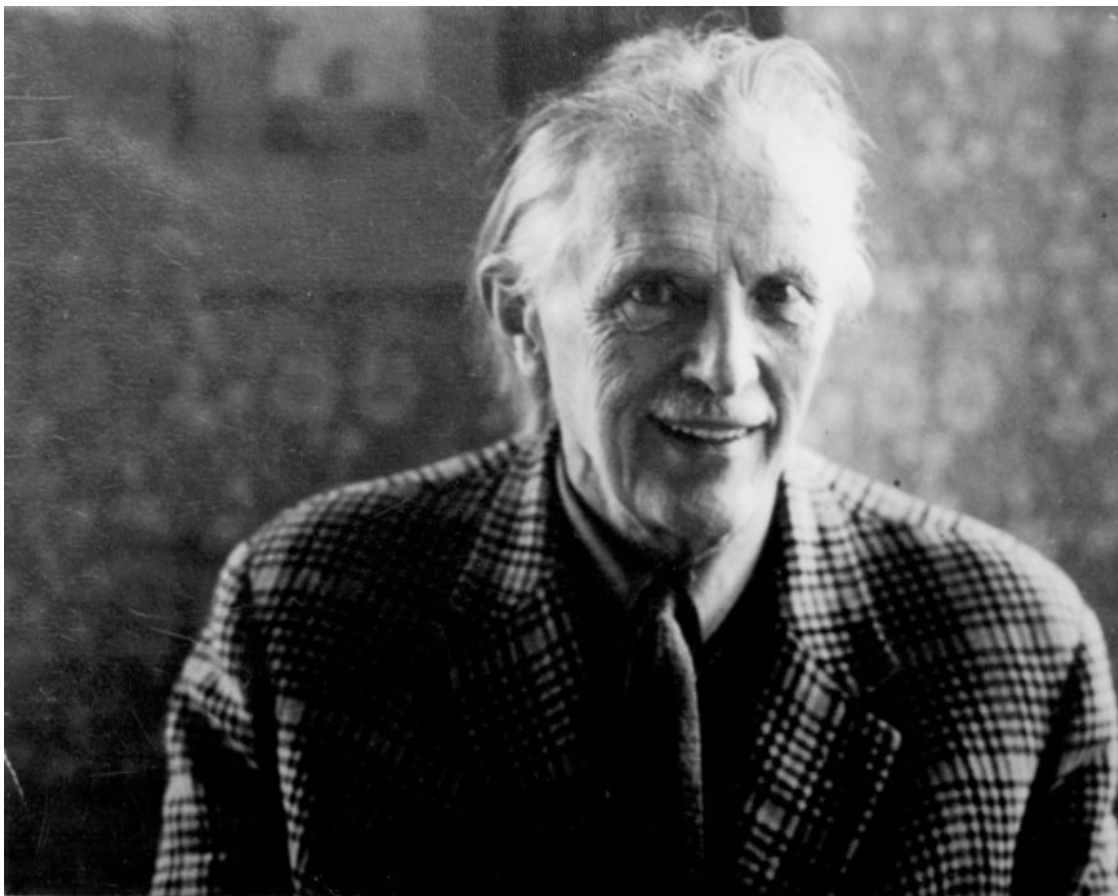
– Да? Чем я могу вам помочь?

«Ну, мой мальчик, сейчас или никогда!» – подумал я глубоко вдохнув и, стараясь изо всех сил казаться уверенным, спросил:

– Мистер Беннетт, могу ли я стать участником вашего гурджиевского курса в этом году?

Молча глядя на меня, казалось, целую вечность, он начал разворачиваться, чтобы подняться к себе. Затем, остановившись внезапно на лестнице, он повернулся ко мне и сказал:

– Хорошо, приходите!

Мистер Беннетт в Шерборне

Только 10 месяцев спустя, в самом конце нашего курса, он открыл мне то, что происходило у него внутри в момент этого колебания, и как он сомневался, брать меня или нет!

Мне повезло, я почти сразу нашел неплохо оплачиваемую работу за стойкой в пабе недалеко от Бёртон-он-Уотер, и мог оплатить курс. Наши отношения с женой расстроились, поэтому еще пару месяцев назад мои родители предложили им с Николасом пожить в Непале, взяв на себя все расходы. Так что они улетели в Катманду и собирались вернуться в Англию к началу моего курса в сентябре.

Три месяца пролетели незаметно, и вот, я прибыл в Шерборн с кучей багажа, постельными принадлежностями и тысячами теснящихся в голове вопросов. Когда я разгружал багаж, ко мне подошла изящная дама средних лет и представилась: «Я Элизабет, жена мистера Беннетта. Вы ведь нас не помните? Мы с вами виделись в Катманду в 1963 году, когда останавливались в отеле вашего отца». Да, некоторые события в жизни действительно заставляют задуматься о природе совпадений!

Беннетт дважды приезжал в Непал между 1961 и 1963 годами, чтобы встретиться с *Шивапури бабой*, глубоко почитаемым индуистским мудрецом, о котором ему было известно еще в 1940-е годы. С тех пор он мечтал написать книгу о его жизни и учении, которое отличалось живостью и простотой. Позже Беннетт стал называть его своим учителем, отметив: «Шивапури баба был истинным святым, который оказывал немедленное вдохновляющее воздействие на каждого, кто оказывался в его присутствии». Опубликованная им книга называется «Долгое паломничество: жизнь и учение Шивапури бабы». Тогда Шивапури бабе, по слухам, было 137 лет и, верите вы или нет, этому существует множество свидетельств! Во время визитов в Непал Беннетты останавливались в отеле «Ройал» в Катманду и видели меня там 11-летним мальчиком. И вот спустя 10 лет я оказался в Англии и обратился к ним за наставлениями!

Третий гурджиевский курс начался в Шерборне в сентябре 1973 года, когда на улице уже холодало, особенно это ощущалось в огромном неотапливаемом имении. Я жил в одной комнате с тремя мужчинами моего возраста, и мы сразу поладили. Десятимесячный курс делился на 3 этапа: первый назывался экзотерическим, второй – мезотерическим, а третий – эзотерическим. Новые участники были разделены на три группы, интенсивность занятий возрастала по мере перехода от одного этапа к другому.

Всё начиналось в 6 утра с гонгом, затем следовало омовение, которое предполагало умывание или душ, на выбор. Я выбрал душ, хотя знал, что горячей воды не будет, а в зимние месяцы это требует известной решительности! После душа я дрожал мелкой дрожью еще минут 10, зато холодная вода мгновенно смывала паутину сна с моего тела и ума! Соседи по комнате думали, что я чокнутый, но этот ритуал хорошо готовил меня к утренним упражнениям, которые проводились мистером Беннеттом, или мистером Би, как его называли ученики.

Утренние упражнения состояли из множества замечательных техник и медитаций, которым мистер Би научился у Гурджиева, *суфийских*³² мастеров, буддийских монахов и других духовных учителей, с которыми он встречался в течение многих лет своих поисков. В дополнение к этому нас учили фокусироваться на дыхании и быть внимательными к своему телесному опыту в трех аспектах: физических ощущений, чувств и мышления.

За утренними упражнениями следовал завтрак, который всегда включал большую тарелку каши, а через час начинались другие занятия и повседневные дела. Они предполагали работу на кухне и приготовление пищи, работу на огороде и уход за животными, садоводство и уборку территории, плотницкие и строительные работы, а также обслуживание огромного шерборнского дома.

Занятия были посвящены истории и естественным наукам под углом зрения учения Гурджиева. В течение 10 месяцев мы освоили 39 невероятно сложных и напряженных «движений»

---

³² Суфии – исламские мистики, аскеты, подвижники.

в комплексе «священных танцев» Гурджиева. Он собирал их из традиций различных эзотерических школ во время путешествий по далеким и часто запретным местам. То, что сказал мистер Би, объясняя цель этих движений, произвело на меня глубокое впечатление, вот его слова: «Ваше тело имеет первостепенное значение, это связь между внутренним и внешним миром!»

Мистер Би сам распределял учеников по трем группам, их состав сохранялся на протяжении всего курса. Распорядок дня зависел от того, к какой из групп мы относимся, занятия и работа проходили под руководством выпускников предыдущих курсов или самого мистера Би. Всем ученикам предлагалось придерживаться поста по четвергам, когда можно было только пить воду. Это делало четверги более изматывающими, так как все повседневные дела должны были выполняться как в обычные дни, без дополнительного отдыха и послаблений. Во время третьей части курса пост был увеличен до 48 часов, но это предлагалось только тем, кто был выбран для участия в эзотерическом этапе.

Курс уже начался, а я так и не получил никаких известий из Непала. Через 6 недель после начала курса я получил короткое письмо от жены: «Дорогой Миша, мне очень жаль, что наш брак не сложился. Я остаюсь в Непале, и не буду участвовать в курсе».

Я почувствовал себя разорванным надвое и начал пить больше обычного. С одной стороны я мучительно тосковал по жене, а с другой стороны меня захватывал новый глубокий опыт, который я открывал для себя на курсе. «Что мне выбрать? Должен ли я немедленно вернуться в Непал и пытаться спасти наш брак или мне стоит направить всю энергию на этот новый мир, что открывается для меня?»

Я решил остаться и поехать в Непал после завершения курса! Проходили дни, недели, и я чувствовал, как во мне растет что-то новое. Вместе с этим возвращалась и та радостная уверенность в себе, которую я испытывал когда-то в детстве. И, несмотря на то, что вместе с соседями по комнате я по ночам употреблял изрядное количество ньюкасловского эля³³, орехов и шоколада и просыпался на следующее утро с тяжелым похмельем, я ни разу не нарушил распорядка и никогда не пропускал утренние упражнения и другие занятия.

Я уверен, что данный в начале занятий обет и постоянное преодоление себя во время всего курса, были тем самым «сознательным трудом и намеренным страданием», которые, как подчеркивал Гурджиев, необходимы для трансформации к более высокому состоянию бытия. Эта борьба двух сил внутри: «нет, я не могу!» и «да, я смогу!» наиболее ярко проявлялась, когда дело доходило до освоения и оттачивания «гурджиевских движений», то и дело порождая некую третью силу, ранее мне не знакомую. Эти три фундаментальные силы Гурджиев называл «Святое утверждающее», «Святое отрицающее» и «Святое примиряющее».

Упорно пытаюсь освоить одно особенно трудное движение, однажды днем в классе я внезапно испытал то, что считаю той самой таинственной третьей силой. Это нечто безмерно прекрасное, что не поддается описанию. Как будто я, или, точнее, какая-то часть меня находится вне тела и молча наблюдает, как отдельные части моего тела выполняют невероятно сложные движения и жесты в идеальной координации. И в то же время это состояние «бдительности» несло в себе всеобъемлющий покой. Это и был мой первый опыт переживания «неопределимого присутствия», чего-то совершенно отличного от привычных физических, эмоциональных или интеллектуальных переживаний, то, что невозможно описать словами.

Жизнь в Шерборне не всегда складывалась для меня гладко. Должен признаться, что пару раз в течение первых месяцев курса я позволил своим негативным эмоциям и привычке бунтовать против правил взять надо мной верх, что в итоге привело к вызову в кабинет мистера Би. Свой суровый выговор он закончил словами: «Если продолжишь в том же духе, сдохнешь в сточной канаве, как поганный пес!»

---

³³ Ньюкаслский эль (Newcastle Brown Ale) – полутемный эль, один из самых популярных сортов в Великобритании.

После этого безжалостного нагоняя всё постепенно стало меняться, моя решимость искренне участвовать в занятиях укрепилась и приобрела большую ясность. Кроме этого у меня завязался нежный роман с сокурсницей, который продолжался 4 месяца и оказался целительным после болезненного известия от жены. Во время перерыва между первой и второй частями курса мы с подружкой съездили к ней домой на Гернси (Guernsey), один из прекрасных Нормандских островов.

Еще одним весьма полезным элементом курса была ежевечерняя встреча с мистером Би. Все мы собирались в большой библиотеке, где он читал вслух книгу Г. Гурджиева «Всё и вся» и давал пояснения к трудным местам. Поскольку большую часть того, что Гурджиев написал в своей первой книге, практически невозможно понять, я с благодарностью слушал объяснения мистера Би о представленных там загадочных беседах.

Вторая часть курса проходила с нарастающей интенсивностью, а мороз суровых зимних месяцев усложнял всё еще больше. Одна из тем, которую мистер Би представил во второй части курса, касалась того, что Гурджиев называл нашей «главной особенностью». По сути, эта особенность представляет собой какую-то вредную привычку, старую модель поведения, паттерн, которые мы обычно не осознаем, но они являются помехами на пути более глубокого понимания себя. С момента, когда я впервые об этом услышал, мне стало любопытно, каков мой паттерн. В тот день, когда мистер Би должен был мне это открыть, я в нетерпении топтался у дверей его кабинета. Дверь открылась, мистер Би, не сказав ни слова, прошел мимо, а затем резко остановился и одарил меня одним из своих проницательных взглядов: «Ты всё еще умничаешь, общаясь с людьми?» – бросил он тоном, не терпящим возражений, и, не дожидаясь ответа, ушел. «Фу-х, и это всё, что он хотел мне сказать?»

И все же, его слова вызвали мимолетное понимание особенности моей личности. Однако пройдет еще много лет, прежде чем я смогу четко распознавать и контролировать этот эго-паттерн, направленный на привлечение внимания к себе.

На втором этапе курса были организованы дни для посетителей, они давали нам долгожданный перерыв в нарастающей интенсивности ежедневных занятий. В такие дни мы исполняли освоенные «гурджиевские движения», наслаждались застольем и напитками, приготовленными специально для этих случаев, старались подробно отвечать на вопросы посетителей. Если выходные проходили без посетителей, то нам давали свободное время, и, конечно же, наши прогулки неизбежно заканчивались в оживленных пабах ближайших деревень.

Когда зима сменилась весной, а весна перешла в лето, на большой лужайке перед шерборнским домом мы начали разучивать танец моррис³⁴. Я с большим удовольствием исполнял эти танцы в шерборнском доме, а затем и в разных пабах Глостершира.

Третья, эзотерическая часть курса оказалась наиболее сложной, особенно в дни 48-часового поста, в котором я решил участвовать. К тому времени, когда курс подошел к завершению, я сумел понять, что в результате всех совместных действий и занятий во мне произошли некие тонкие изменения. Занятия обогатили меня новыми способами более ясного восприятия жизни и окружающих людей, а также вселили уверенность, что я смогу принять вызовы, которые жизнь припасла для меня на ближайшие годы.

В последний день занятий все собрались в большой библиотеке, чтобы послушать заключительную лекцию мистера Би. Он рассказал нам о любопытных случаях, которые он наблюдал за последние 10 месяцев, об изменениях, которые он обнаружил в своих учениках, а затем спросил, если ли у нас вопросы. Выслушав его ответы на несколько прозвучавших вопросов, я поднял руку и спросил: «Мистер Би, во время этого курса мы узнали удивительные вещи о жизни и о себе. Как нам применить всё это в том мире, куда мы возвращаемся?»

---

³⁴ Моррис – разновидность английского народного танца, восходящего к XV веку, основанного на исполнении хореографических фигур и ритмичном шаге группы танцоров с колокольчиками на голенях. В танце используются платки и палки.

На последнем слове мои глаза увлажнились от слез, и мистер Би на мгновение замолчал. Затем, глядя прямо на меня, он сказал: «Когда Миша пришел ко мне и спросил, может ли он присоединиться к этому курсу, я, посмотрев на него, подумал, что он слишком дикий и недисциплинированный! Но в момент, когда я было развернулся, чтобы уйти, внутренний голос сказал мне: „возьми его!“ И сейчас я очень рад, что прислушался к этому голосу!»

И тут плотина, сдерживавшая мои слезы, прорвалась, и я позволил им течь свободно. Это были слезы благодарности, а не боли. Когда я окинул зал затуманенным взглядом, то увидел, что многие сокурсники тоже плачут. В тот вечер старые и новые ученики отпраздновали окончание курса грандиозным пиршеством и особыми тостами, которые провозглашал мистер Би. Это были знаменитые «тосты за идиотов» в гурджиевском стиле, каждый из которых, разумеется, сопровождался рюмкой крепкой водки! К концу череды тостов, представляющих 21 разряд идиотов³⁵, большинство из нас были в полном восторге и изрядно набрались.

На следующий день все разъезжались, кто в Европу, кто в Америку. Ученики, один за другим, прощались с мистером Би, и когда я подошел, чтобы поблагодарить и попрощаться, он задумался на мгновение, а затем сказал: «Э-э-м-м... ты возвращаешься в Непал, не так ли? Хорошо, там недалеко от Дхарамсалы в Индии есть тантрический монастырь под названием *Гьюто*³⁶. Поезжай, там ты сможешь узнать кое-что еще!»

Через 3 дня я летел на самолете в Катманду!

---

³⁵ Пили за здоровье «всех обычных идиотов», «кандидатов в идиоты», «супер-идиотов», «архи-идиотов», «безнадежных идиотов», «жалких идиотов» и «сострадательных идиотов». Были еще «круглые», «квадратные», «зигзагообразные» и «скорченные» идиоты. Почитали всех «просветленных идиотов» и «патентованных идиотов», себя Гурджиев величал «уникальным идиотом» и относил к двадцать первому разряду, а выше него был только Господь Бог, которого Гурджиев называл «Его Бесконечностью». Греческий корень *idios* означает «характерная черта».

³⁶ Гьюто – тантрический колледж верхнего У традиции гелуг, основанный в 1475 году в Тибете. И сегодня в стенах колледжа, который теперь находится в Сидхбари (штат Химачал, в Индии), изучают комментарии к тантрам для получения высших степеней геше, монахи Гьюто поддерживают традицию особого обертонного пения, см.: <https://www.youtube.com/watch?v=LZ-hZ83GhJ8>

Глава 9. Просто будь в потоке жизни!

Вернувшись в Непал, я чувствовал себя бодрее и счастливее, чем когда-либо. И, хотя я с нетерпением ждал встречи с Николасом и своей женой, я не рассчитывал, что мы воссоединимся, тем более, что они прожили отдельно несколько месяцев. Но когда жена пришла с Ником в ресторан «Як и йети» на встречу со мной, и мы посмотрели друг другу в глаза, я понял, что между нами ничего не закончилось! Вскоре мы втроем переехали в арендованное бунгало и снова стали маленькой счастливой семьей!

После возвращения я наводил справки о монастыре Гьюто, что недалеко от Дхарамсалы. После нескольких безуспешных попыток найти хоть какую-нибудь информацию, я решил написать мистеру Би, чтобы получить его совет. Но не успел я отправить письмо, как пришло печальное известие о том, что мистер Би умер вскоре после начала четвертого гурджиевского курса. «Ай-яй-яй, и что же теперь делать?»

И тут я неожиданно вспомнил, как высоко мистер Би отзывался о Шивапури бабе и его учении «*Свадхарма*³⁷», основанном на трех дисциплинах: физической, моральной и духовной. Не зная, как добраться до его *ашрама*³⁸, я приступил к его поискам. Мне сказали только, что место называется *Дхрубастхали*, находится недалеко от аэропорта и что туда нужно идти через армейский лагерь. Я без труда нашел этот лагерь и после разговора на непали с часовым о моем желании посетить место *самадхи*³⁹ Шивапури бабы, мне тут же разрешили пройти.

Самадхи этого необыкновенного мудреца находилось посреди джунглей за просторным ограждением с небольшими воротами и простым забором из колючей проволоки. В центре площадки стоял павильон, в котором был установлен большой мраморный *шивалинг*⁴⁰, здесь сидели люди и медитировали. Рядом располагался крохотный домик, где баба спал, а снаружи были установлены удобные качели, на которых он любил сидеть. Рядом была еще одна хижина, где жил смотритель, он же готовил еду для бабы и его посетителей.

Я стал частым гостем этого маленького и исключительно спокойного ашрама. Обычно я тихо медитировал у его самадхи, а затем обсуждал учение «о правильной жизни» с его последователями. Один из них произвел на меня особенно сильное впечатление. Ему было за 50, звали его Тхакур Лал Манандхар. Этот мягкий и спокойный человек провел с мудрецом много лет и считался одним из его главных учеников. Шивапури баба позволил Джону Беннетту написать о себе книгу при условии, что весь материал сначала будет прочитан Тхакуром Лалом. Учение «о правильной жизни» опирается на три основы: долг, нравственность и преданность. Единственной целью человеческой жизни считается поиск высшей истины или Бога, для чего требуется соблюдать определенный порядок в духовной, моральной и интеллектуальной жизни.

Шивапури баба умер 28 января 1963 года вскоре после того, как одобрил черновик этой книги. Его последнее послание гласит: «Живите правильной жизнью, поклоняйтесь Богу... и всё. Ничего больше!» Глотнув воды, он сказал «*гайя*⁴¹», лег на правый бок и скончался.

Я бывал в Дхрубастхали и в будние дни, но мои субботние визиты были самыми приятными, потому что там всегда был Тхакур Лал. По субботам всем посетителям предлагали про-

³⁷ Свадхарма (*санскр.* надлежащий закон, долг) – праведный закон, приравненный к долгу, который нужно исполнять.

³⁸ Ашрам (а) (*санскр.*) – уединенная обитель отшельника; место расположения духовной общины, формирующейся вокруг гуру, куда приходят для обучения, медитации и совершения ритуалов.

³⁹ Самадхи (*санскр.* – погружение, собрание) – самадхи-мандир, мемориал-усыпальница в память святого или гуру, который находился в момент смерти в недвойственном состоянии сознания.

⁴⁰ Шивалинг (ам) (от *санскр.* лингам – знак, метка, признак) – символ производящей силы Шивы, одного из трех главных богов в индуизме. В основе ритуального образа находится фаллос.

⁴¹ Гайя (*санскр.*) – восклицание: «я ухожу!».

стую, но вкусную вегетарианскую еду в виде *прасада*⁴², и нам приходилось во все глаза следить за озорными обезьянами, которые всем способами пытались стащить нашу еду!

Шли месяцы, и тихое святилище Дхрубастхали привносило в мою жизнь равновесие. Уважение к Тхакуру Лалу Манандхару, благодаря его пониманию учения Шивапури бабы, продолжало расти, и мы стали добрыми друзьями. Он всегда был желанным гостем в нашем доме, и я с большой нежностью вспоминаю его ясные наблюдения за жизнью и по-детски невинный юмор. Во время одного из визитов к нему домой мы просматривали несколько собранных им статей о Шивапури Бабе. В одной из них была выдержка из необычного интервью:

Вопрос: Разве мир периодически развивается и деградирует? Почему люди строят, а затем разрушают то, что они строят, даже целые цивилизации?

Ответ: Всё, что мы строим, должно быть разрушено и построено заново, это циклический процесс. Каждые 100 лет происходят некоторые изменения. Каждые 1000 лет происходят большие перемены. Каждые 2000 лет – конец эпохи. Каждые 6000 лет случается крупная катастрофа. Каждые 12000 лет всё обновляется. Сейчас мы находимся в конце 6000-летнего цикла.

Вопрос: Будут ли разрушения, которое вы предвидите, локальными?

Ответ: Нет. Они будут повсюду, в городах, в деревнях. Что-то останется для того, чтобы продолжить этот мир с людьми, которые почувствовали и увидели результаты материалистически ориентированной жизни.

Вопрос: Как подготовиться, если это невозможно избежать?

Ответ: Есть только один способ. Начните делать что должно прямо сейчас и медитируйте о смысле своей жизни.

Вопрос: Пак Субуд сказал, что катастрофа произойдет «по ошибке».

Ответ: Да. Это будет выглядеть как ошибка».

Несколько месяцев спустя, осенью 1975 года во время семейного ужина в бальном зале ресторана «Як и йети» мой отец внезапно встал со стопкой водки в руке: «Давайте выпьем за новый отель „Як и йети“!» – провозгласил он тост зычным голосом, опрокинул водку и бросил пустую стопку через плечо! Завершив этот русский ритуал, он заметил на моем лице недоумение и пояснил: «Я заключил соглашение с надежным индийским бизнесменом о строительстве на этом месте 5-звездного отеля, и он будет называться „Як и йети“! Благодаря моей репутации, Всемирный банк согласился предоставить кредит в несколько миллионов долларов под низкие проценты. Мой индийский партнер инвестирует большую, а я вкладываю меньшую сумму денег. Управление отелем будет в моих руках, а его строительство начнется через несколько месяцев!»

Направив взгляд на меня, он продолжил: «Мой партнер согласился назначить тебя менеджером по питанию и напиткам, а твою жену – старшей горничной. Я договорился с отелем „Хилтон“ в Маниле, на Филиппинах, чтобы вы оба прошли там стажировку в течение четырех месяцев. Будьте готовы к отъезду в Манилу через 10 дней!»

Десять дней спустя мы летели в Манилу, где нас тепло встретил генеральный менеджер отеля «Хилтон», старый друг моего отца. Нам щедро выделили просторный и комфортабельный номер-люкс. Как и номер, проживание и все разнообразное питание с напитками были для нас бесплатными. Эти условия стали для нас приятным сюрпризом, поскольку к этому времени моя жена была уже на третьем месяце беременности.

Недели летели быстро и были наполнены приобретением новых знаний и опыта, полезных для наших будущих управленческих должностей. А во время выходных, предоставляемых нам в конце каждого месяца, заботливые и гостеприимные дамы из отдела горничных пригла-

---

⁴² Прасад (а) (*санскр.* – божественная милость) – благословенное подношение божеству в виде пищи, которая распределяется среди верующих как священный дар.

шали нас в гости и возили на экскурсии на прекрасные острова недалеко от Манилы. Честно говоря, это было больше похоже на медовый месяц, чем на работу!

Не успели мы оглянуться, как настал день нашего отъезда в Непал. После сердечных прощаний с новыми друзьями мы вылетели в Катманду, где я должен был продолжить управление рестораном «Як и йети» до завершения строительства нового отеля.

В отеле уже был назначен приглашенный из Германии генеральный менеджер, и мы с женой начали набор и обучение персонала для отдела питания и горничных. А спустя месяц разверзся настоящий ад!

К моему полному изумлению я обнаружил, что, несмотря на то, что строительство нового отеля было практически завершено, отец так и не подписал соглашения со своим индийским партнером. Всё то, о чем они договорились, было основано на рукопожатии! После нескольких дней непрерывного давления со стороны всех членов нашей семьи, отец, наконец, поговорил со своим партнером о подписании контракта. Текст контракта должен был составить юрист в Гонконге, который был хорошо знаком обоим партнерам и, предположительно, четко проинформирован о согласованных условиях.

Индийский партнер улетел в Гонконг и через несколько дней вернулся с проектом соглашения. Затем он созвал совет директоров, на котором присутствовали отец и члены семьи обоих партнеров, в том числе и я. Но – оп-ля! – когда мы вместе просматривали текст, мы обнаружили, что доля отца была значительно уменьшена! «Что, черт возьми, здесь происходит?» – подумал я.

После долгих минут молчания отец резко встал и стремительно покинул собрание. Глядя на индийского партнера с негодованием, я выругался: «Ты, чертов мошенник! Как ты мог с ним так поступить?» – и тоже вышел.

Откровенно говоря, я и по сей день не знаю всех деталей сделки, заключенной между отцом и его партнером. Тогда у меня была версия, услышанная от родителей. Но 35 лет спустя от близкого друга я услышал совсем другую версию: индийский партнер отца был просто крутым бизнесменом, а не мошенником. Но кто знает наверняка?

Была зима 1975 года, и моя жена была на седьмом месяце беременности. После того, что случилось с Николасом, мы не хотели рисковать в больнице в Катманду, и решили ехать в Англию, чтобы рожать там. Решение оказалось правильным, поскольку в течение долгих родов возникли осложнения, и врачи решили делать кесарево сечение. К счастью, и мать, и ребенок благополучно перенесли это испытание, и у нас родилась прекрасная маленькая девочка, которую мы назвали Кэтрин. Наши старые английские друзья любезно предложили разделить с ними дом в Бёртон-он-Уотер, и после нескольких спокойных месяцев в английской деревне мы вернулись в Непал. В Катманду я сразу был проинформирован генеральным менеджером отеля «Як и йети», что я и моя жена больше не нужны в новом отеле. Нас уволили!

К этому времени уже стало абсолютно ясно, что отец не получит никаких акций в новом отеле, мало того, как только строительство будет завершено, он потеряет и ресторан, так что нам всем придется выехать из здания. Ситуация определенно выходила из-под контроля! Как бы то ни было, мы с женой сняли бунгало с садом, где могли безопасно играть наши дети, и наняли тибетскую горничную для помощи по дому.

Как управляющий ресторана «Як и йети», я был знаком с большим кругом западных предпринимателей, дельцов-антикваров и владельцев других более сомнительных предприятий, но лишь немногих считал близкими друзьями. Среди них было несколько тибетцев, которые пришли в Непал как беженцы, когда китайцы вторглись в Тибет. Они выглядели довольными, к этому времени кто-то открыл небольшой ресторан, а кто-то управлял предприятием по производству ковров. Одним из таких был Булу – большой мускулистый человек из области Кхам в Тибете, который годами сражался с китайскими захватчиками. Он был настоящим

воином *кхампа*! Со временем мы стали очень близкими друзьями, вместе попадали в разные переделки, куражились и балагурили, это всегда были веселые шалости!

Однажды ночью мы с ним были на вечеринке в Джавлакхеле (Jawalakhel), недалеко от моей старой школы Св. Ксаверия. Был вечер, часов 11, мы уже довольно много выпили, и я был готов вернуться домой. Когда я сказал об этом своему тибетскому другу, он рассмеялся и предложил: «Эй, Миш, давай косячок выкурим перед отъездом?»

В те дни я редко курил марихуану, да и он тоже, но голос его звучал очень решительно, поэтому я согласился, и взял немного *гаиджи*⁴³ у одного знакомого хиппи. Сев снаружи, мы забили толстый косяк и направились к его маленькой машине, одному из тех старых двухтактных «Ситроенов» со странным рычагом переключения передач, который надо было вытащить, повернуть и снова воткнуть.

В ту ночь всё вокруг заволкло густым туманом, так, что мы могли видеть не дальше нескольких метров перед собой. Расстояние от Джавлакхеля до его дома в Тамеле (Thamel) по одной из главных дорог Катманду было около 5 км, нам потребовалось всего 20 минут, чтобы приехать на эту вечеринку. Булу сел за руль, мы немного отъехали, и нас накрыло! Мы начали безудержно ржать и, выглядывая то и дело из запотевших окон, пытались понять, куда едем. Через полчаса, всё еще не в силах перестать смеяться, мы поняли, что окончательно заблудились! «Эй, Булу, ты не туда повернул!» – кричал я, хохоча. «Мужик, дай мне порулить!» – отвечал он, корчась от смеха.

Чем дальше мы ехали, тем больше запутывались. Примерно каждые полчаса мы останавливали машину и менялись местами, каждый раз падая в приступы смеха. Я не представляю, где можно было так заблудиться, но мы потратили 6 часов, чтобы добраться до его дома!

Когда мы наконец доехали, его жена открыла дверь и встала на пороге. Глядя на то, как мы пытаемся выползти из машины, она было открыла рот, чтобы нас отругать. Но прежде, чем она произнесла хоть слово, мы, глядя на нее, снова рухнули от смеха. Покачивая головой, она пошла в дом заваривать для нас крепкий тибетский чай!

Еще одного примечательного персонажа, с которым я подружился в Катманду, звали «Всемирный император» – этот титул он носил уже несколько лет. Ходили слухи, что он был непальцем из королевского рода и жил во дворце, когда его постигла какая-то ужасная трагедия, которая сильно повлияла на его рассудок.

Впервые я встретил «Всемирного императора» во время обеда в тибетском ресторане «Ом» недалеко от улицы Нью роуд (New Road). Он с достоинством вошел в ресторан, одетый в потрепанную шерстяную армейскую шинель, черную непальскую шапочку *топи* и пыльные черные парусиновые туфли. В ресторане было довольно много народу, и я заметил, что все отводили глаза, когда он смотрел на них. Позже я узнал, что все считали его полностью сумасшедшим и не хотели иметь с ним дела.

По какой-то непонятной причине меня тянуло к нему. В нем чувствовалось неуловимое достоинство, и я на непальском языке пригласил его за свой стол. Он сел, представился императором земного шара и вручил мне открытку с изображением *Лакшми*⁴⁴. Обратная сторона карточки была исписана текстом на английском языке, выведенным крохотными и очень аккуратными буквами. Содержание представляло собой молитву о мире во всем мире, а также приветствия, благословения и наилучшие пожелания британской королеве, премьер-министрам, президентам и королям разных стран. Затем, наклонившись ко мне, он начал говорить о божественном свете, который явился ему прошлой ночью, и поручил обратиться ко всем мировым

---

⁴³ Ганджа (*хин.*) – сушеные листья и почки конопли.

⁴⁴ Лакшми (*санскр.*) – супруга индуистского бога Вишну, покровительница благополучия и богатства.

лидерам с призывом к всеобщему миру. Всё это было сказано тихим и сдержанным голосом на идеальном оксфордском английском!

Я внимательно его выслушал и купил ему обед, выбрав сладкий непальский чай на молоке и *момо*⁴⁵. Слова, которые он говорил, не имели для меня особого значения, но его простая и наивная убежденность в своей роли в этой жизни, меня тронула. Покончив с обедом, он пожал мне руку и, объяснив, что ему нужно идти на почту, чтобы отправить послания лидерам мира, удалился.

После этого я довольно часто встречал «Всемирного императора» в самых необычных местах Катманду. И когда он, увидев меня, расплывался в улыбке, а затем медленно и грациозно поднимал руку в королевском приветствии, у меня всегда теплело на душе. Его откровения о божественных посланиях всегда были однотипны, но всякий раз происходило что-то еще, таинственное, после этих встреч я всегда испытывал умиротворение.

Несколько лет спустя он неожиданно появился в моем ресторане. К этому времени его шинель цвета хаки выглядела еще более потрепанной. Я тепло его поприветствовал, предложил ему пообедать и спросил, не хочет ли он выпить что-нибудь прохладительное. Его глаза оживились и он ответил: «Может быть, большую порцию (60 мл) „Джонни Уокера“, черный лейбл⁴⁶?»

Ну как не любить этого парня? Когда он насладился сытным обедом и двойной порцией виски, я поднялся в свою комнату и взял свое практически новое пальто. Попросив снять рваную шинель, я накинул пальто на его костлявые плечи: «Скоро придет холодная зима, друг мой, давай обменяемся шинелями, хорошо?» Его лицо засияло чудесной улыбкой!

Еще будучи подростком я обнаружил, что танцы приносят мне большую радость и расслабление, и эта любовь продлилась всю жизнь. После работы в ресторане я садился на свой 350-кубовый мотоцикл марки «Ройал-Энфилд» и отправлялся на одну из дискотек Катманду. Их организаторам каким-то образом всегда удавалось заполучить новейшую танцевальную музыку, и я, не теряя времени, оказывался на танцполе и растворялся в беззаботном мире прекрасных мелодий.

В то время ночная жизнь Катманду ограничивалась несколькими дискотеками, самыми популярными были «Медный пол» («Copper Floor») в Лазимпате и «Фут-таппер» («Foot Tapper») в Наксале. Помимо этих двух дискотек было еще несколько небольших заведений в районе Фрик-стрит (Freak Street), предлагавших посетителям напитки, еду и музыку, и где курение марихуаны и гашиша не просто разрешалось, а даже поощрялось. Фаворитами среди них были рестораны «Инь-Ян» («Yin-Yang»), «Не проходи мимо меня» («Don't Pass Me By») и еще одно место под названием «Эдем гашиш-центр», над его входом висела огромная вывеска со словами: «Лучший гашиш в городе! Предлагаем попробовать бесплатно!»

Обстановка в «Медном поле» была более интимной, в то время как «Фут-таппер» располагался в нескольких больших комнатах старого дворца. Клиентура в обоих заведениях представляла собой невероятную смесь людей из разных стран и разных социальных слоев: члены непальской королевской семьи, государственные чиновники и офицеры иммиграционной службы, высокопоставленные лица из разных посольств, хиппи, туристы, тибетские торговцы и воины-кхампа, международные торговцы антиквариатом, наркотики, непальские бизнесмены, экспатрианты, которые долго жили или работали в Непале – этот список можно продолжать бесконечно!

В «Фут-таппере» регулярно вспыхивали драки. Отдавая предпочтение алкоголю перед гашишем и сильными наркотиками я, в основном, довольствовался танцами в одиночестве

---

⁴⁵ Момо (*тиб.*) – аналог цзяоцзы или баоцзы, тибетские пельмени.

⁴⁶ Виски Johnny Walker Black Label.

часами напролет, лишь иногда принимая пару затяжек от друга. Однажды вечером в «Футтаппере» произошел забавный инцидент. Я сидел в конце бара со своим напитком, а на другом конце стойки расположился высокопоставленный офицер непальской иммиграционной службы. Он был печально знаменит тем, что создавал иностранцам серьезные проблемы во время продления виз, требовал абсурдно высокие взятки и выслеживал тех, у кого истек срок действия визы.

Пока офицер сидел, потягивая ром с колой, два знакомых мне американских арт-дилера подошли к бару, заказали пару бутылок пива и заговорили с ним. В момент, когда внимание офицера было занято одним из говоривших, я заметил, как второй быстро провел рукой над напитком офицера. Вскоре американцы отошли и уселись в нише, откуда начали наблюдать за баром.

«Что, черт возьми, эти двое сейчас делают?» – подумал я и пошел танцевать. Вернувшись в бар через полчаса, я присмотрелся и увидел ту же картину: офицер был в баре, а американцы все еще сидели в нише. А через 15 минут дерьмо попало на вентилятор! Сначала лицо офицера приобрело странное озадаченное выражение. Он забормотал, затряс головой, а затем оглядел бар безумными глазами. Затем, бессвязно бормоча, слез с барного стула, встал на нетвердые ноги и, мгновение спустя, стал мочиться, пока его штаны полностью не промокли! После этого, всё еще мотая головой и пошатываясь, с выпученными глазами он выбрался из дискотеки.

Позже я узнал, что сделали эти ребята: они добавили в напиток офицера изрядную дозу ЛСД⁴⁷! Со скоростью лесного пожара эта новость пронеслась по Катманду, к большой радости многих иностранцев, которые оказались жертвами жадности и злоупотреблений этого офицера. А те два американца год за годом возвращались в Непал, их имена так и не были раскрыты!

---

⁴⁷ ЛСД – диэтиламинд лизергиновой кислоты, вещество, дающее психоделический эффект.

Глава 10. Схватка с садху⁴⁸

Я всё еще был без работы, а мои родители собирались в Европу, чтобы попытаться собрать средства на новый ресторан взамен «Як и йети», от которого они были вынуждены отказаться. После нескольких месяцев поисков подходящего здания они сняли отдельно стоящий дом в районе Баттиспутали⁴⁹ (Battisputali), в удалении от центра города. Изначально здание не предназначалось для ресторана, но за ним было достаточно места для парковки, перед ним был сад, на первом и втором этажах большие комнаты, а также большая открытая терраса на верхнем этаже. Планы по реконструкции здания были утверждены, оставалось только начать. Всё, что было нужно – деньги, чтобы превратить его в ресторан, который мог бы соответствовать его имени: «Ббрис».

За неделю до отъезда родителей в Европу я выпивал в баре отеля «Аннапурна» и случайно столкнулся с хорошим другом нашей семьи, Джимом Эдвардсом, владельцем «Тайгер топс джангл лодж» («Tiger Tops Jungle Lodge»). Джим был прозорливым бизнесменом и за парой кружек холодного пива он сделал предложение, которое мне сразу понравилось. Вместо того чтобы сидеть и ждать денег из Европы, почему бы нам не выпустить облигации стоимостью 10000 рупий⁵⁰ и предложить их будущим клиентами нового ресторана? Эти облигации могли бы обеспечить владельцам 15-процентную скидку на их счета в ресторане.

«Отличная идея, почему бы и нет?» – подумал я и на следующее утро предложил эту схему отцу. Он согласился, в течение нескольких дней мы составили список потенциальных клиентов, и я начал продажу облигаций.

Пока это происходило, я продолжал посещать ашрам Шивапури бабы, хотя мои визиты были реже. У меня вновь появилось тревожное чувство какой-то внутренней незавершенности, что бы я не делал, я лишь сильнее чувствовал свое бессилие. Вечерами я стал наведываться в Пашупатинатх⁵¹, он был совсем рядом с ашрамом. Я находил мимолетные моменты утешения в успокаивающей музыке бхаджанов, исполнявшихся на противоположном берегу реки, в этом священном для индуистов месте.

У реки Багмати, немного вверх по ступеням от моста, стояло несколько небольших хижин с соломенными крышами. Они использовались странствующими садху для временных остановок, там они отдыхали и, покуривая мощные чиллумы с *чарасом*⁵², проповедовали священные писания небольшим группам верующих индуистов.

Однажды поздно вечером, сидя на уступе широкой стены, я услышал доносившиеся из одной из хижин громкие голоса и решил подойти ближе. Войдя под навес, я увидел покрытого пеплом садху, сидящего скрестив ноги перед небольшим костром. Найдя свободное место у стены рядом с ним, я сел на глинобитный пол.

– Зачем ты пришел сюда? – спросил он меня на хинди.

– Я пришел послушать, о чем вы говорите, – ответил я, тоже на хинди.

Слегка озадаченный, он продолжил:

– О, так ты умеешь говорить на хинди?

⁴⁸ Садху (*хин.*) – в индуизме и джайнизме аскеты и йогины, полностью отрекшиеся от мира ради единственной цели – достижения мокши, освобождения.

⁴⁹ Баттиспутали (*неп.*) – название этого района Катманду переводится как «32 бабочки».

⁵⁰ 10000 непальских рупий в середине 1970-х – около 1000 американских долларов.

⁵¹ Пашупатинатх – шиваитский религиозный комплекс, крупнейшая индуистская святыня, место кремации большинства индуистов в долине Катманду.

⁵² Чарас (*хин.*) – смолистый продукт из конопли.

– Я выучил его в детстве, когда рос здесь, в Непале. Но по-непальски я говорю более свободно, – сказал я, на этот раз на непали.

Он перешел на непали и стал задавать вопросы о моем прошлом. Отвечая ему, я хотел, чтобы он поскорее продолжил ту тему, о которой говорил до моего появления. Вскоре он начал цитировать разные индуистские писания, излагая их довольно подробно.

Примерно через час я понял, что его святые речи весьма однообразны. Его слова казались мне пустыми и лишенными авторитета реального опыта, поэтому я решил поблагодарить его и уйти. Увидев, что я встаю, садху посмотрел на меня и сказал:

– Не уходи, прежде покури со мной чараса!

– Нет, спасибо, я никогда не курил чарас и не собираюсь начинать! – ответил я, вежливо отклонив его предложение.

– Ты должен попробовать это хоть раз! – настаивал он.

Сказав это, он тут же взял лежавший рядом плотно забитый чиллум, громко произнес «*джай, Шива-Шанкар*⁵³!» и поджег его раскаленным угольком. Глубоко затянувшись, он протянул его мне. «Какого черта, только один раз для пробы!» – сдался я с изрядной долей опасения. Взяв чиллум, я сделал одну долгую затяжку.

– Еще немного! – подбодрил меня садху.

Сделав еще один вдох, я быстро передал трубку обратно. Мгновением позже меня словно ударили кувалдой! Веки стали тяжелыми, я с трудом держал глаза открытыми. Услышав смех садху, я попытался спросить, почему он смеется, но слова выходили невнятными и звучали совершенно бессмысленно. Всё вокруг приобрело эфемерное и призрачное качество, и меня начал заполнять сильный страх потерять контроль над разумом.

Чувствуя отчаянную потребность в свежем воздухе и просторе, я медленно поднялся на ноги и, спотыкаясь, выбрался из хижины. Делая один нерешительный шаг за другим, я добрался до низкой каменной стены и лег на спину. Здесь я почувствовал себя защищенным, так как оказался ближе к месту самадхи Шивапури бабы.

Луна уже зашла, и осеннее небо надо мной было усеяно красивыми звездами. Постепенно мое тело стало расслабляться, сильный страх, который угрожал парализовать мой разум, утих, а потом я задремал. Проснувшись от заунывных стенаний и плача людей, прощавшихся с усопшими, я всё еще не мог должным образом сосредоточиться. Тело затекло на каменной лежанке, я смотрел в небо, окрашенное в пастельные тона нового рассвета.

Медленно поднявшись, я начал искать источник плача. На противоположном берегу реки я различил длинную процессию людей, медленно приближавшихся к месту кремации. Четверо мужчин несли носилки, на которых лежало тело в белых одеждах. Еще один мужчина нес металлическую подставку с капельницей, от которой к телу шла прозрачная трубка. Человек на носилках был еще жив. Женщины, участвующие в процессии, причитали.

Всё еще находясь под сильным воздействием чараса, я гадал, не происходит ли это поразительное зрелище во сне? Через несколько минут носильщики подошли к каменным ступеням, спускавшимся к реке. Они осторожно наклонили носилки, чтобы ноги умирающего погрузились в реку, и закрепили носилки так, чтобы они не скользили.

Как замороженный я сидел на стене и наблюдал за происходящим. Я видел, как кремируют умерших людей, но никогда не был свидетелем перехода человека из живого состояния в мертвое! В этот момент голова человека склонилась, и он умер! Плач и крики усилились. Это была моя первая близкая встреча со смертью, в этот момент у меня появилась абсолютная уверенность в собственной смерти когда-нибудь в будущем.

Я присидел там еще час, наблюдая за тщательными приготовлениями к кремации. Затем, используя одно из упражнений на восприятие, которому я научился на гурджиевском курсе,

⁵³ Джай, Шива-Шанкар (а)! (*санскр.*) – приветствие, обращенное к Шиве.

я собрался с силами, перешел через каменный мост и направился к своему мотоциклу. Через полчаса я крепко спал дома в мягкой постели!

В течение следующего месяца я посетил садху еще два раза. В обоих случаях мне удалось отклонить его настойчивые предложения выкурить с ним еще один чиллум. Вместо этого мы пили чай и дискутировали на непали о духовных вопросах, обычно в присутствии небольшой группы людей, которые молча нас слушали.

К сожалению, наши разговоры двигались по кругу, не принося ни нового понимания, ни новых идей. Поэтому, планируя последний визит к этому садху, я решил немного оживить нашу беседу и принес ему в подарок бутылку шотландского виски. Это сработало, потому что, вскоре после того, как виски был выпит, мы вступили в затяжной жаркий спор, который закончился тем, что садху стал выкрикивать непристойности в мой адрес! Убедившись, что больше ничего интересного от него не услышу, я выкрикнул ему в ответ: «У тебя нет истинной мудрости! Ты просто болтаешь много святой чепухи!» Затем я ушел, чтобы больше никогда к нему не возвращаться!

Глава 11. Пирушка в Пашупатинатхе

Но мои визиты в Пашупатинатх на этом не закончились. Несколько недель спустя вместе с тибетскими друзьями я проводил ночь на дискотеке «Медный пол», наслаждаясь танцами и выпивкой. Около полуночи один мой знакомый датчанин-антиквар упомянул о вечеринке в доме его друзей у ступы Боднатх⁵⁴. Сказав, что мне будут рады, он дал адрес. Через полчаса я ехал на мотоцикле в Боднатх.

Когда я приехал туда около часа ночи, вечеринка была в самом разгаре. В прилично укомплектованном баре был большой выбор спиртного высшего качества, по заполненным людьми комнатам плыл тонкий туман от дыма марихуаны, все танцевали под ревущую музыку. «Эх, мой мальчик, возвращаться домой на мотоцикле тебе будет нелегко!» – сказал я себе. «Но раз уж я здесь, что ж, будем наслаждаться!»

Часа в три утра, один из датчан предложил мне здоровенный косяк: «Привет, Миш, я только что получил этот чудесный чарас из Афганистана. Я знаю, что ты редко куришь, но попробуй, это нечто!»

Я уже выпил, я знал, что если еще и покурю, то навлеку на себя настоящие неприятности. Но, отбросив осторожность, сделал три или четыре затяжки. И это было очень большой ошибкой! Я настолько одурел, что танцевал без остановки следующие 2 часа!

Внезапно вспомнив, где нахожусь, я подумал, что мне нужно возвращаться домой на мотоцикле, выпил две чашки крепкого черного кофе и почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы ехать домой. Поблагодарив хозяина, я сел на своего надежного коня и медленно поехал.

Солнце уже взошло, и дувший в лицо прохладный ветерок немного меня отрезвил. Я проделал уже три четверти трудного пути домой, когда проезжал поворот на площадь у главного входа в Пашупатинатх, окруженную с трех сторон домами и храмами. Решив немного отдохнуть и выпить чашку горячего и сладкого непальского чая, я свернул в переулок и припарковал мотоцикл. «А где все?» – подумал я.

Было еще слишком рано, чайные на площади не работали, но мне удалось найти одно место на углу, где я сел, потягивая обжигающий чай из небольшого стакана. Через некоторое время стали открываться лавки, и я просто наблюдал за происходящим. Тут мое внимание привлекло нечто странное и необычное. Я увидел, как из обращенных к реке домов, один за другим, начали осторожно выходить люди в лохмотьях. Они выглядели какими-то инвалидами, у некоторых были забинтованы руки или ноги. Когда некоторые стали приближаться, я с ужасом осознал, что в них было странным! Раньше я видел людей с такой болезнью только на фотографиях, но сразу понял, что у всех была проказа на разных стадиях. Некоторые подходили совсем близко, и я начал беспокоиться.

– Кто эти люди? – спросил я владельца чайной на непали.

– Ой, не бойся! – успокоил он меня, – это несчастные прокаженные из святого Пашупатинатха. Они не опасны, около сорока человек всё еще живут здесь.

– Если я предложу им чай, вы их обслужите? – поинтересовался я.

– Да, я подам им чай в пластиковых стаканчиках. Но, знаете, они будут намного счастливее, если бы вы предложили им *ракси*⁵⁵! – добавил он со смехом.

Видеть этих несчастных человеческих существ с частично отгнившими конечностями, изгнанных, одиноко доживающих свой век в изоляции, было невыносимо, это было душераз-

⁵⁴ Боднатх – самая большая буддийская ступа за пределами Тибета. Место поселения тибетских беженцев после китайского вторжения в Тибет в 1951 году.

⁵⁵ Ракси (неп.) – дистиллированный рисовый самогон.

дирающее зрелище. И внезапно я подумал, что мог бы привнести в жизнь этих бедных людей хоть немного радости, хотя бы на несколько часов!

Я не потратил все свои деньги прошлой ночью, в кармане у меня оставалось около 700 рупий. На эти деньги можно было многое купить в дешевых окрестных чайных. Обратившись к владельцу моей чайной, я объяснил, что хочу сделать: «Не могли бы вы организовать всё для пирушки, которую я хотел бы предложить всем здешним прокаженным? Вы можете закупить ракси и *чанг*⁵⁶ в местных лавках и подать эти напитки в бумажных стаканчиках? А из еды мы можем подать им буйволятину с *чхурой*⁵⁷ в одноразовых тарелках из сушеных листьев». Затем я отсчитал 600 рупий и, вручив ему деньги, сказал:

– Этим денег должно хватить на еду и выпивку примерно для 60 человек и на вашу работу. Сможете это организовать как можно быстрее? Если денег будет недостаточно, скажите, я привезу еще. Я вам полностью доверяю, ведь мы находимся в священном Пашупатинатхе!»

– Но придут еще и нищие, они тоже захотят получить бесплатную еду и выпивку! – заметил он.

– Пожалуйста, обслужите их тоже! – ответил я.

Он согласился и тут же позвал на помощь жену и сына. Подойдя к небольшой группе прокаженных, я поприветствовал их и рассказал о предстоящей пирушке. Указав на лавку, которая будет заниматься их обслуживанием, я сообщил: «Буйволятину, чхуру, ракси, чанг и чай вам подадут из этой лавки через час. Давайте отметим этот день вместе, устроив веселую вечеринку. Пожалуйста, поделитесь этой новостью со всеми!»

Через час перед чайной выстроилась очередь из прокаженных, подходили старые и молодые нищие. Владелец и его жена начали раздавать еду и напитки. Было уже 9 утра, я чувствовал сильную усталость, стали сказываться последствия прошедшей ночи. Но, будучи хозяином этой спонтанной вечеринки, как я могу уйти, когда всё только началось? Так что, отбросив сомнения, я налил себе стакан ракси и нырнул в гущу событий!

Над площадью у Пашупатинатха висел размеренный гул оживленных голосов, она постепенно заполнялась прокаженными, нищими, любопытными местными жителями, туристами и паломниками. Единственное, чего здесь не хватало – музыки, чтобы петь и танцевать! Заметив неподалеку молодого человека с большим магнитофоном, я подошел к нему и спросил, не хочет ли он оживить нашу пирушку, включив непальскую народную музыку? Он без малейших колебаний согласился, выбрал оживленную народную песню, и спустя мгновение начался настоящий праздник! Взяв еще стакан ракси, я присоединился к танцам и сразу оказался в окружении весьма необычного сборища людей: смеющихся, поющих, хлопающих в ладоши и танцующих прокаженных!

Прошел еще час, постепенно площадь начала пустеть. Один за другим прокаженные и нищие, пошатываясь, разбрелись по затененным местам в окрестностях площади и там отдыхали! К 11 часам лишь дюжина самых стойких держалась на ногах. Сам я уже выпил стаканов 5 ракси и еле стоял. Приблизившись к владельцу чайной и опустившись на табурет с ним рядом, я спросил:

– Вам хватило денег?

– Да, хватило, осталось еще немного выпивки и еды, – ответил он.

– Оставьте это себе в качестве заработка, уважаемый. Большое вам спасибо за то, что вы всё так хорошо организовали! У меня есть последняя просьба, пожалуйста, помогите мне завести мотоцикл, чтобы я мог добраться до дома и поспать.

Вместе с сыном хозяин довел меня до того места, где был припаркован мотоцикл. Сын завел его, отец помог мне сесть, и я очень медленно выехал из Пашупатинатха. К тому времени

⁵⁶ Чанг (*тиб.*) – популярное в долине Катманду домашнее тибетское пиво, изготавливают из ячменя, пшена или риса.

⁵⁷ Чхура (*неп.*) – сухой плющенный рис.

движение на улицах было уже довольно оживленным, и мне потребовалась вся моя сосредоточенность, чтобы проехать 3 км и остаться невредимым. Я никогда не верил, но всё-таки интересно, существуют ли ангелы-хранители?

Придя домой, я заметил, что в детском саду, который уже несколько месяцев работал у нас дома под руководством жены, было тихо. Прислонив тяжелый «энфилд» к стене, я, шатаясь, добрал до спальни и рухнул на кровать. Как только я принял горизонтальное положение и закрыл глаза, события последних суток обрушились на меня с силой цунами! Я был уверен, что умираю, и позвал жену. Она прибежала с кухни, села рядом и, взяв меня за руку, встревожено спросила:

– Что случилось?

– Я умираю, пожалуйста, не оставляй меня! – простонал я.

Применив свои замечательные познания в гомеопатии, она быстро взяла свой набор для неотложной помощи и бросила мне в рот несколько горошин. Она просидела со мной около часа, пока я не погрузился в глубокий сон. Моими последними туманными мыслями были: «Ого, мой мальчик, разве это не была самая невероятная и чудесная пирушка, в которой ты когда-либо участвовал?» Я проспал 12 часов подряд, и с того дня полностью отказался от марихуаны и гашиша на следующие 15 лет!

Проведя большую часть детства в непосредственной близости от величественных гималайских хребтов, которые возвышаются за предгорьями к северу от долины Катманду, я воспринимал их необыкновенную красоту как должное и никогда не испытывал желания оказаться в высокогорных районах.

Всё изменилось, когда однажды, во время ужина с гостившей у нас дома английской подругой, жена неожиданно объявила:

– Мы с Перонель хотим сходить в трек в район Хеламбу⁵⁸ (Helambu) и собираемся взять с собой Ника. Не хочешь ли пойти с нами? Это будет совсем несложный трек, говорят, оттуда открывается очень красивый вид на Гималаи.

– Спасибо, дорогая, но нет, не хочу, – немедленно ответил я. – Но я готов всё для вас организовать!

Нику было 5 лет и он с трудом ходил на большие расстояния из-за проблем с правой ногой. Жена была на пятом месяце беременности, и ни она, ни Перонель никогда раньше не ходили в горные походы. Но, какие бы отговорки я ни придумывал, чтобы отвертеться от похода, они всё-таки меня дожали! «Ладно-ладно, девочки!» – сдался я наутро во время завтрака. «Всё равно я не буду чувствовать себя спокойно, зная, что вы отправились в горы, даже если пойдете с шерпом и носильщиками!»

Через неделю мы отправились в 7-дневный поход по району Хеламбу в сопровождении гида-шерпа и трех портеров, которые несли туристическое снаряжение и провизию на неделю. «Что бы ни случилось, мой первый поход будет легким и непринужденным!» – уговаривал я себя.

---

⁵⁸ Хеламбу – ближайший к долине Катманду горный район, где раньше других гималайских районов в Непале иностранцам был разрешен трекинг.

Николас в предвкушении похода в Хеламбу

Отец выдал нам большую удобную палатку, которую ему подарил Эдмунд Хиллари после успешной экспедиции на Эверест в 1953 году, когда они вдвоем с Тенцингом Норгеем достигли вершины Эвереста. Еще одна небольшая палатка была арендована для Перонель, а третья – для нашего шерпа и носильщиков. Все палатки были тщательно проверены на предмет дыр и наличия комплектующих.

За полтора часа мы доехали на «лендровере» до Сундариджала⁵⁹ (Sundarijal), откуда начинался наш трек. Извилистая тропа постепенно поднималась до гребня холма Шивапури (Shivapuri), после чего начался медленный спуск к деревне Чисапани (Chisapani), вблизи которой мы разбили наш лагерь для первой ночевки.

На следующее утро после завтрака мы продолжили спуск и достигли деревни Чауки Бханджанг (Chauki Bhanjyang), где насладились неспешным обедом, приготовленным нашим гидом, Мингмой Шерпа. Оттуда мы снова поднимались к деревне Кутумсанг (Kutumsang) и там разбили лагерь у тропы. До сих пор нам везло с погодой, а от красоты пышных бамбуковых лесов и ярко цветущих рододендронов, в сочетании с великолепными видами на горные массивы Лангтанг, Ганеш-Химал и Ролвалинг, просто захватывало дух!

Третий день похода оказался довольно напряженным: мы шли из Кутумсанга почти 6 часов и поднялись на высоту 1150 м, чтобы добраться до деревни Тхарепати (Tharepati) – самой высокой точки нашего маршрута с захватывающими видами. Около полудня погода стала меняться, собирались темные тучи. «Похоже, ночью будет сильный дождь и ветер, сэр. Нам нужно крепко привязать палатки!» – предупредил меня Мингма по-непальски, когда он и его помощники спешно разбивали лагерь на небольшом плато на дальнем конце деревни. Дневной переход нас сильно утомил, и после сытного непальского ужина *дал-бхат-таркари*⁶⁰ мы разошлись по палаткам, чтобы отдохнуть и выспаться.

Пару часов спустя, ближе к полуночи, нас оглушили раскаты грома! Наша палатка была просторной, в ней свободно были разложены 3 спальных матраса. Яркие вспышки молний озарили ночное небо, за ними быстро следовали сотрясающие землю раскаты грома. Потом пошел дождь, и поднявшийся ветер с сильным шумом стал бить в стены палаток. Гром и молнии продолжались без остановки, а крупные капли дождя вскоре превратились в потоки. «Слава богу, мы тщательно проверили палатки перед началом похода!» – подумал я. И сразу после этого раздалось зловещее: «кап-кап-кап». Этот звук был внутри палатки! Дождь стал проникать повсюду, намочив сначала спальный мешок Ника, затем жены. Они перетаскили свои матрасы и спальные принадлежности ближе ко мне, в угол, который пока не протекал. Дождь лил не переставая, всё больше воды просачивалось внутрь, пока мы втроем не оказались под моим спальным мешком, тесно прижавшимися друг к другу.

– Мама, я промок и замерз! – захныкал Ник.

– Я хочу домой, я просто хочу домой, – повторяла моя жена.

«А я вообще никуда не хотел идти!» – хотелось крикнуть мне, но я решил оставить эту мысль при себе. В конце концов шторм утих, и нам удалось поспать несколько часов в наскоро свитом сухом гнезде.

Мингма разбудил нас сразу после восхода солнца, и какой же это был необычайный рассвет! Сладко-ароматный воздух был кристально чистым, открывая незабываемую панораму величественных гималайских хребтов, омытых мягкими оттенками восходящего солнца. К тому времени, как мы закончили завтрак, все воспоминания о дискомфорте и страданиях прошедшей ночи растворились в бескрайнем синем небе!

В этот день 5-часовая прогулка привела нас к постепенному спуску от Тхарепати к деревне Меламчигаон (Melamchigaon), где мы разбили лагерь и наслаждались долгим и спокойным сном всю ночь. Устанавливая вечером большую палатку, мы обнаружили главную причину, по которой прошлой ночью в нее набралось столько воды: отсутствовала 2-футовая секция металлической трубы, соединяющей центральные стойки палатки с вершиной! Вода

⁵⁹ Сундариджал – деревня к северу от Катманду, недалеко от истока реки Багмати. Во времена династии Рана это место было главным источником воды в долине, позже здесь построили гидроэлектростанцию.

⁶⁰ Дал, бхат и таркари (*неп.*) – повсеместно распространенная в Непале еда: рис с подливкой из бобовых (чечевица, горох) и разными способами приготовленные сезонные овощи с добавкой припущенного шпината. К блюду подают домашнюю приправу – ачар (наподобие аджики) – и небольшую порцию куриного или бараньего карри.

скапливалась в центре, а затем просачивалась сквозь швы старого тента, который пролежал у отца на складе 25 лет.

Пятый день похода, предполагавший 5-часовой подъем в деревню Таркегьянг (Tarkegyang), начался с весьма неприятного сюрприза. После завтрака я не увидел среди портеров нашего шерпа Мингму, который нес Ника на всех крутых участках тропы.

– А где Мингма? – спросил я.

– Он пошел в туалет, у него живот болит, – прозвучал ответ.

Спустя несколько минут я увидел Мингму, который шел ко мне с лицом сероватого цвета.

– Что случилось, Мингма?

– У меня сильный понос и болит живот. Простите, сэр, но сегодня я не смогу нести Ника!

– Черт, ну вот, началось, – простонал я.

– Все носильщики полностью загружены, сэр!

– Так организуй для Ника пони или мула, спроси в деревне! – попросил я с надеждой.

– Здесь нет пони и мулов, сэр! Но, позвольте сказать, деревня Таркегьянг, куда мы идем, славится лучшим в Непале яблочным ракси!

– Спасибо тебе за эту действительно ценную информацию, Мингма! Если сегодня ты еще раз скажешь какую-нибудь глупость, я тебя задушу!

Так начались самые долгие 5 часов в моей жизни: вверх по склону, с Ником на спине, вцепившимся в меня руками и ногами. Конечно, мы делали много коротких остановок и одну более долгую, чтобы пообедать. Но по мере того, как ползли часы, минуты и секунды, склоны становились всё круче, а мой сын – тяжелее!

После трех часов такой ходьбы у меня начались вспышки галлюцинаций, мне стал мерещиться яблочный ракси Таркегьянга: как я подхожу к двери деревенского бара... сын сползает с моей мокрой от пота спины... я вхожу внутрь, беру полную бутылку знаменитого таркегьянского эликсира, нахожу укромное местечко и наслаждаюсь напитком до полного отключения!

Так и случилось: пыльный, измученный, пропитанный потом и обгоревший на солнце белый человек с глазами навывкате снял со спины 5-летнего сына и отдал его матери. Затем, пошатываясь, зашел в деревенскую лавку, взял бутылку воды и то, что называлось «Особый яблочный бренди Таркегьянг». Не говоря никому ни слова, он удалился на склон ближайшего холма и при помощи огненного яблочного эликсира ушел в себя! В течение часа я выпил полбутылки, но мое состояние «приятного беспомыслия» было внезапно прервано Мингмой, который, очень обеспокоенный, подошел ко мне, прижимая к груди большого сопротивляющегося петуха.

– Сэр, мадам попросила приготовить на ужин курицу, – сказал он, запинаясь.

– Так иди и готовь эту несчастную курицу, только оставь меня в покое! – рявкнул я.

– Но сэр, наши носильщики и я – буддисты. Нам запрещено убивать живых существ!

Это стало последней каплей. С меня было довольно! С трудом поднявшись на ноги, я повернулся к Мингме, протянул руку и схватил трепыхающуюся птицу, стараясь крепко прижать ее к себе. Я сделал шаг, споткнулся, хватка ослабла, и несчастное существо вырвалось! Началась охота! Вся наша группа, семеро взрослых и один мальчик, в течение получаса гонялась вверх и вниз по склону за проклятой тварью, а за нами наблюдала небольшая толпа местных жителей. Каждый раз, когда один из нас прыгал за петухом и, конечно, промахивался, они аплодировали и смеялись! Наконец, одному из наших портеров удалось поймать пернатого гада! Он быстро передал петуха Мингме, который тут же принес его мне. Мгновение спустя подошел один из наших портеров с большим острым ножом, на его лице расплзалась наглая ухмылка.

– Это вам, сэр! – сказал он на непальском, протягивая нож. – Потому что вы не буддист, сэр. Все уже очень хотят съесть эту курицу!

Я никогда не убивал животных своими руками. Всё еще тяжело отдуваясь после погони, я понял, что выбора нет. Про себя я попросил петуха простить меня за то, что лишаю его жизни, проигнорировал протянутый мне нож, крепко схватил птицу за шею и резко свернул голову. В тот вечер Мингма приготовил на ужин ароматное куриное карри. Но, увы, это была самая жесткая курятина, которую я когда-либо пробовал!

На следующее утро, немного подлечившись от легкого похмелья, я очень обрадовался, увидев, что Мингма в состоянии нести Ника. Путь от Таркегьянга до следующей деревни Шерматханг (Shermathang) проходил по относительно ровной тропе, и у нас было несколько возможностей остановиться и полюбоваться окружающей природой.

Следующий день был последним в нашем незабываемом походе по живописному району Хеламбу. Спуск в течение 5 часов привел нас к большой деревне Меламчи-базар (Melamchi-bazaar), где мы разбили лагерь для последней ночевки.

На следующее утро «лендровер» забрал нас в Меламчи-базаре и повез, через прекрасную долину Панчкхал (Panchkhal) и быстро растущий курортный городок Дхуликхель, домой в Катманду. По возвращении из похода несколько недель я не мог видеть кур – не говоря уже о том, чтобы их есть! И прошло целых 38 лет, прежде чем я отправился в следующий поход в Гималаи: на этот раз в высокогорные районы Нижнего Мустанга.

Глава 12. Саньясин⁶¹ Бхагвана Шри Раджниша

План продаж облигаций для сбора денег на строительство нового ресторана сработал неплохо, и к тому времени, когда мои родители вернулись из Европы, перепланировка и установка мебели были практически завершены. Это было бы невозможно без неустанной помощи нашего непальского менеджера Пурушотама, который работал у нас лет десять. Этот находчивый человек с драгоценными личностными качествами сохранял преданность моему отцу во время любых потрясений.

Оставалось только нарисовать бабочек⁶² на стенах верхней комнаты, что вскоре и было сделано Десмондом Дойгом (Desmond Doig), талантливым писателем, художником и хорошим другом нашей семьи. Вскоре за этим последовала церемония открытия ресторана, которая прошла в оживленной компании наших ближайших друзей. Среди самых близких была привлекательная француженка по имени Бернадетт Вассо (Bernadette Vasseux). С момента прибытия в Непал в 1960-е годы, Бернадетт служила главным секретарем всех французских послов в Непале, успевая в то же время наслаждаться яркой и насыщенной личной жизнью.

Еще одним другом нашей семьи и крайне интересным персонажем был Махарадж Кумар Массури Шамшер Джанг Бахадур Рана (Maharaj Kumar Mussouri Shumsher J. B. Rana). Он происходил из недавно правившей династии, но предпочитал, чтобы его звали просто Эмкей (МК). Невысокого роста, всегда безукоризненно одетый, он говорил на безупречном оксфордском английском и обладал прекрасным чувством юмора. В его репертуар входили также пикантные лимерики, которые заставляли на вечеринках падать в обморок напыщенных дам высшего класса. Эмкея любили все, его можно было повстречать повсюду, от чопорных официальных приемов до самых диких хиппи-вечеринок. Обычно он спокойно сидел в сторонке с искрящимися глазами, озорной улыбкой и стаканом виски в руке, наслаждаясь происходящим вокруг и время от времени делясь косяком с друзьями. В его обществе я всегда чувствовал себя свободно и весело, а когда однажды поделился с ним духовной стороной моей жизни, он открыл мне свою строгую приверженность практике медитации. По этой причине он никого не принимал у себя до полудня.

Вскоре после нашей вечеринки ресторан «Борис» в Баттиспутали открылся для публики, и я был счастлив взять на себя обязанности по управлению. Пару месяцев спустя ко мне неожиданно приехали двое друзей с Аляски по имени Рон и Дон, они были помощниками мистера Беннетта на гурджиевском курсе 1973 года, в котором я участвовал. Мы с женой предложили им остановиться у нас, я организовал для них небольшие прогулки, в том числе мы вместе сходили к месту самадхи Шивапури бабы.

Рон и Дон приехали в Непал из Пуны (Pune, India), где провели несколько недель в ашраме скандально знаменитого индийского духовного учителя *Бхагвана*⁶³ *Шри Раджниша*. Они описывали свои занятия в ашраме, и это показалось мне интересным. Перед отъездом Рон подарил мне книгу с записями лекций Раджниша. Прочитанное меня глубоко тронуло, а через несколько дней мне приснился странный яркий сон! Во сне я стоял у открытой двери в большую комнату, заполненную людьми в оранжевых одеждах, они пели и танцевали. Вдруг мое

---

⁶¹ Санньяса (*санскр.*) – с точки зрения классического индуизма это особый этап жизни «дваждырожденного», когда он отказывается от мирской жизни и сосредотачивается на духовном развитии. В таком употреблении слово пишется с двумя буквами «н». В связи с огромным объемом переведенных на русский язык дискурсов Бхагавана Шри Раджниша (Ошо), где чаще встречается употребление этого слова с одним «н», здесь и далее в значении «саньясин Раджниша», будем придерживаться этого подхода.

⁶² Новый ресторан Бориса располагался в районе под названием Баттиспутали («32 бабочки»).

⁶³ Бхагван (*санскр.* – благословенный, бог) – титул Ачарья Раджниша, который он использовал с начала 1970-х годов до смены имени на Ошо в 1989 году.

внимание обратилось к статному мужчине в белой струящейся мантии с длинной седой бородой. Он медленно и грациозно пробирался сквозь группы танцующих людей к двери, за которой стоял я. Проходя мимо меня, он остановился и заглянул мне прямо в глаза. «Здравствуй, Миша!» – сказал он мягким голосом и вышел из комнаты.

Утром первой мыслью после пробуждения было: «Боже, какой необычный сон!» Этот сон не исчезал, как это бывает обычно, а занимал мои мысли днем и ночью. Так продолжалось неделю, после чего всё стало предельно ясным: я не успокоюсь, пока не доеду до Пуны и не встречу с этим человеком!

Решив так, я сказал жене, что через пару дней уезжаю в Пуну и собираюсь вернуться дней через 10. «И, пожалуйста, не беспокойся, когда я вернусь, на мне не будет оранжевой одежды и бус на шее!» – успокоил я ее. То же я сообщил своим детям и родителям и через 2 дня отправился в Пуну!

Сняв номер в отеле недалеко от ашрама, я подошел к его впечатляющим главным воротам и прошел долгий процесс регистрации для получения пропуска и ваучеров с различными номиналами в рупиях. На территории ашрама не обращались наличные деньги, в магазинах принимали только специальные ваучеры. В магазинчике ашрама я купил себе одежду оранжевого цвета и, покончив с формальностями, направился прямо в главный офис. Через несколько минут я сидел перед маленькой индийской женщиной по имени Лакшми, которая служила секретарем Раджниша.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она мягким голосом.

– Я приехал из Непала всего на 10 дней и хотел бы записаться на встречу с Бхагваном Шри Раджнишем.

Она улыбнулась и ответила:

– Многие ждут с ним встречи. Почему бы вам сначала не поучаствовать в медитациях? Походите на утренние лекции Бхагвана, осмотритесь и через неделю приходите ко мне, хорошо?

Слегка разочарованный тем, что придется ждать целую неделю, я поблагодарил и решил последовать ее советам. В Будда-холле – огромном шатре, поддерживаемом множеством бамбуковых шестов – ежедневно проводились медитации четырех видов. Они были разработаны самим Бхагваном и представляли оригинальный синтез древних техник и современных подходов, каждая медитация сопровождалась определенной музыкой.

Решив попробовать всё, я начинал день с динамической медитации в 6 часов утра. Все медитации проводились последователями Раджниша, которые прошли особую церемонию «посвящения в саньясу», после чего становились его «саньясинами». В момент инициации Бхагван одевал на шею посвящаемого *малу*⁶⁴ и давал новое духовное имя, после чего саньясины постоянно носили малу и одежду оранжевого цвета.

После динамической медитации в кафетерии ашрама предлагали обильный завтрак, он был вегетарианским, как и вся еда. Каждое утро около 8 утра я вместе с несколькими сотням людей со всего мира сидел, скрестив ноги, в Будда-холле, ожидая, когда появится Бхагван, чтобы начать свою ежедневную беседу – дискурс⁶⁵, это обычно длилось около двух часов.

Его необычайно красноречивые выступления, опиравшиеся на взгляды и учения духовных наставников прошлого, оказали на меня глубокое воздействие. В предпоследний день пребывания в ашраме я был приятно удивлен тому, с каким глубоким уважением Бхагван говорил о Георгии Гурджиеве. Ожившая связь с опытом моего участия в гурджиевском курсе развеяла

---

⁶⁴ Мала (*санскр.*) – гирлянда, бусы с медальоном, которые носят как знак отождествления с учителем или учением.

⁶⁵ Дискурс (*лат.* – рассуждение, довод) – в гуманитарном знании XX в. – речь в общем смысле, а также выраженные в речи духовный настрой и идеологические ориентиры.

все сомнения в подлинности этого замечательного человека, так ясно явившегося мне во сне всего пару недель назад.

Я торжественно поклялся себе, что буду делать всё, что потребуется, чтобы быть ближе к этому человеку и его неоспоримой мудрости, и, даже если мне придется выполнить все условия саньясы, меня не волнует, чего мне это будет стоить!

В тот же день после обеда я пошел в главный офис и снова сел перед Лакшми. Прежде, чем она успела что-либо сказать, я произнес слова, которые раз и навсегда изменили мою жизнь:

– Я хочу стать саньясином! – с непоколебимой уверенностью сказал я.

– Готовы ли вы постоянно носить оранжевые одежды и малу с его портретом, а также использовать свое новое имя, где бы вы ни оказались? – спросила она серьезно.

– Без проблем, я сделаю это с радостью! – ответил я.

Сделав небольшую паузу, она записала мое имя и дала инструкции, которые я так ждал: «Завтра в 6 вечера приходите к главным воротам ашрама. Заранее примите душ и наденьте чистую одежду оранжевого цвета. Не используйте одеколон, мыло или шампунь с сильным ароматом, тело Бхагвана очень чувствительно, у него аллергия на парфюм. Возьмите с собой теплую шаль и чистую подушку, там будет прохладно. Я очень рада за вас, Миша!»

На следующий день в назначенное время, едва сдерживая бурлящее внутри волнение, я стоял у ворот ашрама в компании примерно 20 мужчин и женщин, одетых в различные оттенки оранжевого. Вскоре мы взойшли на большую террасу, окруженную красивыми деревьями, и нам показали, где сесть. Примерно в 2,5 м от нас стояло пустое кресло Бхагвана, за нами сидели музыканты-саньясины с инструментами.

Закрыв глаза, я позволил своему дыханию замедлиться, а телу расслабиться. Несколько минут спустя Бхагван, сложив руки в жесте «Намасте!», медленно вышел на террасу и грациозно расположился в кресле. Его главный телохранитель и молодая английская помощница Вивек⁶⁶ сели на мраморный пол немного позади него. Через несколько мгновений было негромко названо первое имя из списка посвящаемых. Музыканты начали исполнять негромкую музыку, молодая женщина подошла к Бхагвану и села в нескольких футах перед ним. Когда он положил большой палец правой руки на область ее третьего глаза, музыка стала набирать силу, и пространство наполнилось вибрирующей энергией, которая, казалось, пульсировала в воздухе и глубоко проникала в каждого из нас. Достигнув пика, музыка стихла, и Бхагван начал тихо говорить с вновь посвященной. Задав несколько вопросов о духовных устремлениях, он порекомендовал ей некоторые групповые терапевтические занятия, проводимые в ашраме, которые могли быть ей полезны. После этого он дал ей новое имя и объяснил его значение.

Похожее произошло со следующими несколькими мужчинами и женщинами, а затем настала моя очередь приблизиться и встретиться с ним! Всё мое тело трепетало в предвкушении того, что я даже не мог представить. Во мне боролись стремление и страх. Увидев, что Бхагван смотрит на меня своими бездонными глазами, я в конце концов расслабился и отдался всему, что может за этим последовать.

«Ты пришел в нужное время!» – были его первые слова. Затем он наклонился ко мне и мягко положил свой большой палец мне на лоб. Музыка стала нарастать и достигла крещендо! Я почувствовал, что падаю: падаю в бездонную пустоту, теряя всякое ощущение времени и пространства. Затем, словно издалека, я услышал его голос, зовущий: «Вернись!»

---

⁶⁶ Вивек находилась рядом с Раджнишем всё время. Ма Ананд Шила, став его новым личным секретарем, почти сразу стала открыто проявлять личную неприязнь по отношению к Вивек. Вивек покончила с собой в Пуне за месяц до кончины Ошо.

Почувствовав прикосновение рук, которые поддерживали меня сзади, я открыл глаза и увидел, что Бхагван смотрит на меня, терпеливо ожидая, когда я вернусь оттуда, где я растворялся. Затем, попросив меня наклониться вперед, он одел мне на шею малу и сказал:

– Твоим новым именем будет *Свами*⁶⁷ *Дэва Даршан*. Дэва означает «божественное», а даршан – «видение».

И после небольшой паузы он добавил:

– Поэт родился! – и еще через мгновение поинтересовался: – Тебе понравились мои медитации?

– Я люблю вашу динамическую медитацию, – ответил я. И тут же добавил: – Но я ее и ненавижу!

– Хорошо, хорошо, – усмехнулся он. – Тогда делай ее каждое утро в течение 6 месяцев. Это тебе поможет!

Оставшуюся часть церемонии посвящения я как будто плыл в волшебном сне, наполненном красотой и любовью. Через полчаса, выходя из дома Бхагвана, я почувствовал такую легкость в теле, что казалось, мои ноги едва касаются земли. У ворот нежными объятиями меня встретила молодая француженка, с которой я подружился в ашраме несколько дней назад. «Итак, как мне теперь тебя называть?» – игриво спросила она. Я назвал свое новое имя и объяснил его значение, после чего пригласил ее на ужин в роскошный отель «Блю даймонд» недалеко от ашрама.

В течение всего вечера я переживал всепоглощающую радость и покой, люди вокруг сияли тонкой красотой и воспринимались как друзья, обретенные после долгой разлуки. Последние 2 дня я занимался медитациями, посещал лекции Бхагвана, гулял, общался с саньясинами, а также знакомился с предлагаемыми в ашраме занятиями и курсами.

Меня не привлекали рекламируемые психотерапевтические группы, но курс массажа *шиацу*⁶⁸, предлагавшийся департаментом телесных практик определенно меня заинтересовал. Прямо там я пообещал себе, что вернусь, чтобы изучать шиацу!

Три дня спустя я летел обратно в Катманду через Бомбей. Мой чемодан был набит новой одеждой разных оттенков оранжевого, я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо за многие годы! Примерно за полчаса до приземления в Катманду в моем сознании возникла небольшая, но довольно надоедливая мысль: «Эй, Свами Даршан, тебя не интересует, как все отреагируют на новый облик и новое имя? Не стоит ли подготовиться к возможной критике и осуждению?»

Первым делом я поехал домой, к жене и детям. Жена восприняла мою оранжевую одежду и малу без видимой реакции, так обычно проявлялся ее сильный характер, хотя позже она призналась, что, услышав мои шаги по лестнице, она мысленно молилась, чтобы я не оказался в оранжевом!

Дети, увидев меня, радостно засмеялись:

– Папа приехал! Какая у тебя забавная одежда! А чей этот портретик у тебя на шее?

«Ах, эта прекрасная детская наивность!» В тот же день я пошел к родителям. Войдя в гостиную, я весело воскликнул: «Всем привет! Я вернулся!»

В комнате воцарилась гробовая тишина. Отец, взглянув на меня, быстро опустил глаза. Мать встала и быстрыми шагами направилась к небольшому бару в углу. Налив две рюмки водки, она передала одну отцу, и они залпом выпили. «А мне разве не полагается?» – спросил я с невинной улыбкой.

Мать смотрела на меня так, будто я был причудливым призраком из глупого фильма. Но в конце концов ее любовь преодолела это потрясение, и она меня обняла. Реакция отца была

---

⁶⁷ Свами (от *санскр.* swa – свой, само-, я; *букв.* ставший наставником самому себе) – в индуизме почтительное обращение к духовному наставнику, избравшему путь самоотречения (санньясу).

⁶⁸ Шиацу – японский вариант точечного массажа, акупрессура.

более разрушительной! Хотя он и позволил мне продолжить управление рестораном «Борис», он не смотрел мне в глаза в течение следующих шести лет.

Затем пришло время навестить друзей и знакомых в местных тусовках и посмотреть, каким прием будет там. Как я и ожидал, практически все были шокированы, но старались держать свое мнение при себе. Единственными людьми, которые просто приняли меня таким, какой я есть, и с неподдельным интересом расспрашивали меня о произошедшем, были Тхакур Лал Манандхар, мой друг кхампа Булу и, конечно, саньясины из медитационного центра Раджниша, недавно созданного на окраине Катманду⁶⁹.

Отдых с дочерью Кэтрин

Переоборудовав одну из гостевых комнат нашего дома, каждое утро я занимался в ней динамическими медитациями. Иногда на цыпочках входила маленькая Кэтрин и тихо сидела в уголке, глядя как ее папа сначала фыркает, затем в течение 10 минут глубоко вдыхает и выды-

---

⁶⁹ Первый медитационный центр Раджниша был открыт в Катманду в середине 1970-х, он располагался на окраине города за отелем «Соалти» [Отель «Соалти» («Soaltee») – первый 5-звездный государственный отель, открытый в 1965 году в Катманду, его строительство было инициировано королевской семьей]. Современный «Ошо Тапован» (Osho Tapovan) был открыт в 1990 г. на склоне холма Нагарджуны в западной части долины Катманду.

хает, затем подпрыгивает и энергично кричит «ху-ху-ху-ху», после чего у него наступает физический и эмоциональный катарсис, и он радостно танцует, после чего лежит безмолвно и неподвижно.

Мы с отцом разливаем его фирменную водку

Заказав у портного темно-оранжевый официальный костюм и несколько подходящих рубашек, я возобновил работу в ресторане. Дела в ресторане «Борис» шли хорошо, и постепенно посольства разных стран стали проводить у нас дипломатические обеды и ужины.

Чтобы развлечь гостей ресторана, я пригласил молодого и талантливого немецкого гитариста по имени Гуляб. Его обширный репертуар состоял из западной классической музыки и народных песен на разных языках, а также он выучил несколько популярных непальских песен.

Однажды, после одного весьма из плотно загруженных вечеров, когда мы уже проводили последних гостей, начали уборку и подготовку к следующему дню, около 11 вечера внезапно зазвонил телефон. Это был друг нашей семьи, один из родственников непальской королевской семьи.

– Да, мистер Рана, как вы поживаете, что я могу для вас сделать? – ответил я, подавляя усталый зевок.

– Его Величество король Бирендра, королева Айшварья и еще 5 членов королевской семьи придут в ваш ресторан через полчаса! – сообщил он с панической интонацией, после чего я мгновенно проснулся!

– Но, мистер Рана, у нас был очень напряженный вечер! И у нас закончилась почти вся еда! – беспомощно промямлил я.

– Неважно! Они просто хотят немного выпить! Будьте готовы их принять! – ответил он, пытаясь успокоиться сам и успокоить меня.

В тот вечер отец плохо себя чувствовал и не пришел в ресторан, а наш немецкий гитарист уже ушел домой. Зная, что он живет поблизости, я немедленно отправил менеджера Пурушотама в дом Гуляба с четкими инструкциями: «Скажи ему, что сегодня у него будет уникальная возможность играть для короля Непала и королевской семьи. Только, пожалуйста, приведи его сюда как можно быстрее, даже если тебе придется нести его на руках!»

С безумной скоростью были безупречно вымыты туалеты, бокалы отполированы до блеска, и наш лучший стол накрыт с особой тщательностью. Я где-то читал, что король Бирендра любит хороший коньяк, поэтому достал лучшую бутылку марочного арманьяка⁷⁰.

Сопровождаемый вооруженной охраной король с семьей в окружении свиты прибыл через полчаса в кортеже автомобилей с мигалками. поприветствовав Их Величеств у главного входа традиционным уважительным «Намасте», я провел семерых членов семьи наверх, к специально приготовленному для них столу. Среди уважаемых гостей были Его Величество король Бирендра, королева Айшварья, младший брат короля принц Гьянендра и еще четыре члена семьи.

Мы с метрдотелем подали винтажный арманьяк и множество других напитков. Арманьяк был опробован и одобрен Его Величеством, после чего я, наклонившись вперед, зажег его сигару. Закуривая, он, кажется, только сейчас обратил внимание на мой оранжевый наряд и малю, прокомментируя: «Я вижу, вы стали последователем Раджниша!» И через мгновение:

– Скажите, где сегодня ваш отец, Борис?

– К сожалению, он в постели с температурой и не смог приехать сегодня вечером, Ваше Величество! Но я сообщил ему, что вы почтили наше заведение своим присутствием. Он просил выразить глубочайшие сожаления по поводу того, что не смог лично приветствовать Вас здесь.

– Всё в порядке, пожалуйста, передайте ему привет! – ответил король.

Попросив Гуляба подойти, я представил его королевской семье и спросил, хотят ли они послушать классическую музыку или народные непальские песни.

«Пожалуйста, сыграйте для нас, молодой человек!» – воскликнули все с одобрением. Гуляб играл и пел как никогда! Он был вознагражден искренними и бурными аплодисментами, особенное оживление настало, когда он спел популярную непальскую песню о любви «Меро Майялу⁷¹».

Отъезд королевской семьи и свиты был столь же стремительным, как и прибытие. Признаюсь, я испытал огромное облегчение, когда сразу после отъезда царственных гостей мне позвонил мистер Рана и попросил прислать счет за вечеринку. Я сел за освободившийся королевский стол, пригласил Пурушотама, и вдвоем мы допили то, что осталось от бутылки отборного арманьяка!

---

⁷⁰ Арманьяк (*фр.*) – подвид бренди, производимый из белого виноградного вина в Гаскони. Менее известный, чем коньяк, арманьяк часто превосходит его по качеству и цене.

⁷¹ «Моя любимая» (*неп.* – «Меро Майялу») – популярная и сейчас песня, в которой есть строчка «Сердце трепещет, как шелк на ветру...».

Даже в самом страшном сне я не смог бы представить, что все сидевшие за этим столом члены королевской семьи, за исключением брата короля – принца Гьяендры, будут расстреляны во время ужасной бойни, устроенной наследным принцем Дипендрой 1 июня 2001 года, 21 год спустя. Прежде чем выстрелить себе в голову, он убил отца, мать и еще 10 членов своей семьи!

Спустя 4 месяца судьба, снова решив всё изменить, вывела меня на неожиданный перекресток. Между мной и моим средним братом Александром с раннего детства существовало сильное соперничество. Разница в возрасте между нами была меньше 18 месяцев, и в детстве мы постоянно ссорились. Тот факт, что отец передал управление рестораном «Борис» мне, вызвал у брата приступ ревности, и я ничего не мог с этим поделать.

Но что действительно меня бесило, а также создавало постоянный стресс для нашего непальского менеджера, так это то, что мой брат не только позволял себе брать всё, что ему хотелось из ресторана и кладовой, но и постоянно приводил в ресторан компании своих друзей и угощал их бесплатно! Я много раз просил отца урезонить Александра, пока ситуация еще не вышла из-под контроля, но отец так ничего и не предпринял. Конечно, произошел неминуемый взрыв!

У меня был выходной, мы с женой пригласили к нам домой на ужин нескольких друзей-саньясинов. Пиво быстро заканчивалось, поэтому я решил быстро съездить в ресторан, чтобы взять там несколько бутылок. Войдя в бар, я увидел там брата, сидящего на угловом диване в окружении пятерых друзей. Их стол был уставлен разнообразной едой и напитками. Решив не обострять ситуацию, я молча открыл холодильник, чтобы достать 6 бутылок пива. В холодильнике было только 3 бутылки, поэтому я попросил официанта принести полную коробку из кладовой.

Пока я ждал, Александр вдруг начал громко выкрикивать непристойности в мой адрес на непальском языке. Каждое оскорбительное высказывание сопровождалось громким смехом его непальских спутников. Я проигнорировал это один раз, потом второй, третий, и вдруг во мне что-то надломилось! Хотя я не склонен к насилию, да и серьезного боевого опыта у меня нет, но я предложил ему выйти со мной на парковку. Как только он вышел, я его ударил. Он ответил, и началась драка. Когда моя бровь оказалась рассеченной, меня охватила дикая ярость, и я схватил кирпич, чтобы его ударить. Он увернулся и выбежал за ворота. Преследуя его, я услышал отдаленные крики. Вытирая текущую по лицу кровь, я поднял глаза и увидел, что боковая терраса на втором этаже нашего ресторана заполнена людьми. В этот момент у нас проходил ужин, организованный одним из посольств. И вот, около 30 высокопоставленных дипломатов из разных стран стали свидетелями сцены, в которой два сына Бориса дерутся друг с другом как бешеные псы!

Прогнав Александра с территории ресторана, я вернулся в бар, чтобы привести в порядок лицо. Сверху спускался разъяренный отец! Недопустимая, отвратительная сцена, устроенная его сыновьями, должно быть, поставила его в ужасное положение! Отец начал говорить, когда брат возвращался, входя в ворота.

– Ты немедленно возвращаешься домой! – сердито крикнул он, шагая в его сторону. Брат развернулся и убежал.

– И ты тоже иди домой! – крикнул он мне.

Именно в этот момент мне стало абсолютно ясно, что делать. Довольно! Встав с отцом лицом к лицу и глядя ему прямо в глаза, я без малейшего колебания произнес:

– Папа, я много раз предупреждал тебя, что это когда-нибудь произойдет, и сегодня это случилось! С меня хватит этого постоянного напряжения, найди кого-нибудь другого, кто будет заниматься твоим рестораном! Я ухожу прямо сейчас!

Сказав это, я завел свой «энфилд» и поехал домой, к своим гостям. Увидев мое лицо в синяках и ссадинах, все заволновались и стали спрашивать, что произошло. «Я поспорился с братом и уволился из ресторана. Я не буду там больше работать, никогда!»

Остаток вечера я старался изо всех сил расслабиться в теплой и любящей компании моих родных и друзей. Тело болело после драки, но другая боль сильнее терзала мое сердце. Это была глубокая печаль, возникшая из-за моего решения перестать поддерживать отца после стольких лет, что мы были рядом друг с другом. Мне также было грустно от того, что отныне разрыв с братом стал непреодолимым. Но, несмотря на все мои сожаления, жизнь продолжалась, и я сделал свой выбор.

Пару дней спустя мы с женой решили обсудить варианты наших действий на ближайшее будущее. Вспомнив о курсах шиацу, которые предлагались в ашраме в Пуне, я сказал ей о своем сильном желании изучать шиацу, и, возможно, практиковать его на профессиональном уровне. То, что она сказала, застало меня врасплох: «Я подумала и решила, что тоже хотела бы принять саньясу. Почему бы нам не взять детей и не поехать на месяц в Пуну? Там я, Николас и Кэтрин сможем принять посвящение, а ты будешь учиться шиацу. Тем временем я займусь гончарным делом, а дети будут ходить в школу в ашраме! Так всё и произошло, когда через две недели мы вчетвером уехали в Пуну!

Николас с бабушкой после возвращения из ашрама в Пуне

Кэтрин со своим папочкой Даршаном

Глава 13. Женщина-дух и ее кольцо

После возвращения из Пуны в Катманду я разместил в местных газетах и в некоторых отелях рекламу массажа шиацу. Уже через несколько дней у меня были пациенты, которых я принимал либо у меня в комнате для медитации, либо приходил к ним в гостиничные номера. Для меня это был совершенно новый опыт: пациентами были и молодые, и пожилые мужчины и женщины, и я никогда заранее не знал, чего ждать от встречи.

С самого начала стало ясно одно: у меня обнаружилась способность работать с людьми так, что у них усиливалось ощущение благополучия, и они с готовностью делились со мной своими физическими, эмоциональными и психологическими проблемами. Бывало так, что после первого сеанса с человеком, еще час назад бывшим незнакомцем, мы болтали как старые друзья и, прощаясь, тепло обнимались. И хотя, после 3—4 сеансов я бывал физически выжат, я чувствовал себя на подъеме. Однако глубоко внутри меня оставалось это едва уловимое чувство неполноты, какой-то незавершенности, оно жило, независимо от происходивших в моей жизни изменений!

Пару месяцев спустя я решил провести свободный день в одиночестве у бассейна в отеле «Соалти» («Soaltee») и побаловать себя роскошным обедом. Вдоволь поплавав в бассейне, я направился в ресторан, где с удовольствием расправился с полной тарелкой вкуснейшего карри!

Неожиданно к моему столу под села незнакомая женщина европейской внешности, на вид ей было где-то за 30. Она сидела молча, рассматривая мою оранжевую одежду и малу. Через несколько мгновений я почувствовал, что мое тело окатил внезапный и мощный прилив энергии. Ощущение было столь сильным, что я запаниковал и почувствовал, что вот-вот потеряю сознание.

– Не бойся, – сказала она тихо, – я здесь не для того, чтобы причинить тебе вред!

Я оставался в оцепенении, у меня было ощущение, что она видит всё, что происходит у меня внутри, и это меня пугало! «Кто эта странная женщина? Зачем она пришла?»

– Мое имя не имеет значения, – продолжила она, – но что-то заставило меня подойти и заговорить с тобой.

И без всякого перехода, она начала рассказывать о каком-то молодом американском певце и музыканте, у которого был большой талант, но он сталкивался с большими жизненными трудностями из-за неуверенности в себе. Чем больше она описывала то, что происходит в жизни этого певца, тем больше мне казалось, что она рассказывает о моей жизни. И это пугало меня еще сильнее! Мной овладело непреодолимое желание вскочить и выбежать из ресторана, но что-то в этой женщине также заинтриговало меня и удержало на месте.

Тем не менее, я не выдержал пребывания в замкнутом пространстве и встал из-за стола.

– Можем ли мы выйти к бассейну и продолжить там? – обратился я к ней.

Заметив, что мне нехорошо, она согласилась, и мы вышли из ресторана. Сидя рядом со мной в саду у бассейна, она стала расспрашивать об оранжевой одежде и мале, стараясь понять, что они для меня значат. Представившись Даршаном, я вкратце рассказал ей о своей жизни с момента, когда я пришел на гурджиевский курс в 1973 году, до того, как стал саньясином Бхагвана Раджниша в 1977 году.

Проговорив около часа, я попросил Карен, так она мне представилась, рассказать что-нибудь о себе. Она начала с описания того, чем занималась уже несколько лет в Америке: она была экстрасенсом, к ее помощи прибегали государственные правоохранительные органы во время розыска опасных преступников. Кроме этого какие-то ученые проводили с ней разные исследования. Например, направляли мощный луч света, который, проходя рядом с ней, менял направление на 90 градусов! Тот же эксперимент проводили и с лучом лазера, и результат был

тем же! Но однажды она решила прекратить экстрасенсорную работу, чтобы быть подальше от опасностей и секретов, начать обычную жизнь, выйти замуж и создать семью.

После этого к ней обратился известный духовный фонд, который предложил финансовую поддержку для посещения известных духовных центров по всему миру. Это путешествие планировалось как исследовательская миссия с целью объединения известных гуру, живущих в Индии, для экспериментального сосредоточения их энергии сострадания на достижении мира во всём мире. Карен еще не побывала в ашраме Раджнша в Пуне, но успела разочароваться в тех гуру, с кем успела пообщаться. По ее наблюдениям, их единственный интерес состоял в привлечении как можно большего числа последователей с помощью демонстрации фальшивых сверхспособностей, она сделала для себя вывод, что такие популярные гуру, как Сатья Саи баба, Махарадж Джи и другие, были полностью лишены сострадания!

Закатное солнце начало окрашивать небо в оттенки розового и оранжевого, и вдруг эта загадочная женщина запела низким и чистым голосом. Она пела об орле, слова ее звучали как в священной песни коренных американских индейцев: «Я – орел... Свободно расправив крылья я лечу в глубочайшей синеве неба... Меня нельзя привязать или приручить... Я живу уединенно в недоступных скалах самых высоких гор... Мой взгляд проникает в самые глубокие долины!»

Меня это поразило, так как совсем недавно я закончил читать прекрасную книгу об индейцах под названием «Семь стрел», написанную Хемейхостом Штормом (Hemeyohsts Storm). Это была история Ночного Медведя и его народа, история о земле, которую они берегли, о жизни, которую они считали священной, пока не были полностью разгромлены. Это была история побед, поражений и духовных поисков в нашем опасном мире. Эта прекрасная книга произвела на меня глубокое впечатление, укрепив мою любовь и уважение к коренным американским индейцам и к их глубокой связи с природой.

К этому моменту я полностью успокоился и чувствовал себя в компании этой необычной незнакомки расслабленно, теперь она полностью завладела моим вниманием! Карен закончила песню, а затем предложила спеть вместе. Когда я пел, мое сердце взмыло ввысь вместе с орлом!

В наступившей тишине, спокойно глядя на меня, она снова заговорила: «Запомни эту песню и живи своей жизнью, как орел. Летай высоко, без страха и свободно! А теперь я хочу сделать тебе подарок, который будет об этом напоминать!» Сказав это, она сняла кольцо и одела его на безымянный палец моей правой руки. Это было большое серебряное кольцо ручной работы в стиле американских индейцев с изысканным барельефом парящего орла. «Какой чудесный выдался день!» – подумал я.

Уже начинало темнеть, и мне предстояла довольно долгая поездка на мотоцикле. В одном я не сомневался: я определенно хотел провести больше времени в обществе этой женщины-духа, которая удивила меня во многих отношениях. Я также хотел познакомить ее с моей женой и детьми, поэтому без промедления предложил ей провести следующий день с нами и поужинать у нас дома. С улыбкой приняв приглашение, она попросила забрать ее из отеля в 3 часа.

Когда я привел свою замечательную знакомую, моя жена и дети сразу прониклись ее теплой и непринужденной компанией. Пару дней спустя я пригласил Тхакура Лала Манандхара и еще нескольких близких друзей к нам на ужин и представил им Карен. Она очень открыто делилась со всеми впечатлениями о визитах в разные ашрамы в Индии, но, по ее просьбе мы не рассказывали гостям о ее прежней работе.

В последние два дня пребывания Карен в Катманду я поводил ее по любимым местам. Мы посетили ашрам Шивапури бабы, Пашупатинатх, посмотрели здание «Ройал-отеля», где я рассказал ей о своем детстве в Непале, а затем проводил ее в аэропорт. Год спустя я получил от нее письмо, в котором она интересовалась, как складывается моя жизнь и намерен ли я по-

прежнему оставаться в Непале. Закончила она свое нежное письмо сообщением, что полностью отошла от прежней работы и живет обычной жизнью в счастливом браке.

Больше о Карен я никогда не слышал, и все мои попытки связаться с ней спустя годы оказались безуспешными. Тем не менее, таинственные обстоятельства нашей встречи и время, проведенное в ее компании, укрепили мою уверенность в том, что любые проблемы, которые могут встать на моем пути, могут быть преодолены. Прекрасное кольцо с орлом несколько месяцев спустя пропало в Пуне, но с тех пор в моменты отчаяния орел по-прежнему поддерживает мое сомневающееся сердце, чтобы я снова и снова поднимался и парил в безграничных просторах глубокого синего неба!

Глава 14. В плохом ищи хорошую сторону

После отъезда Карен мой распорядок дня оставался прежним: динамические медитации по утрам, сеансы шиацу дома и в отелях. Отношения с отцом постепенно налаживались, но он по-прежнему не хотел смотреть мне в глаза. Вообще-то, когда отец увидел моих детей и жену по возвращении из Пуны в оранжевых одеждах и бусах с изображением Бхагвана, я боялся, что у него случится сердечный приступ! Но, слава богу, обошлось! И, поскольку и он, и мама очень любили невестку и внуков, нас всех довольно часто приглашали на обеды в ресторан «Борис».

Однажды утром мне позвонил отец и спросил, не хочу ли я приехать в ресторан и встретиться с группой из десяти священников-иезуитов, которые преподавали в школе Св. Ксаверия, где я учился 6 лет, пока рос в Непале. Отец в течение года регулярно приглашал иезуитов на бесплатный обед из четырех блюд, и они всегда бывали очень довольны.

Двое моих преподавателей были уже довольно пожилыми людьми, но я всё еще помнил, как много лет назад они применяли всевозможные суровые дисциплинарные меры, пытаясь воспитать меня в соответствии с католическими идеалами. И еще я вспомнил того «дьявола-иезуита», который мучил меня целый год в венской школе! Настал момент отмщения, я ведь больше не был беззащитным ребенком!

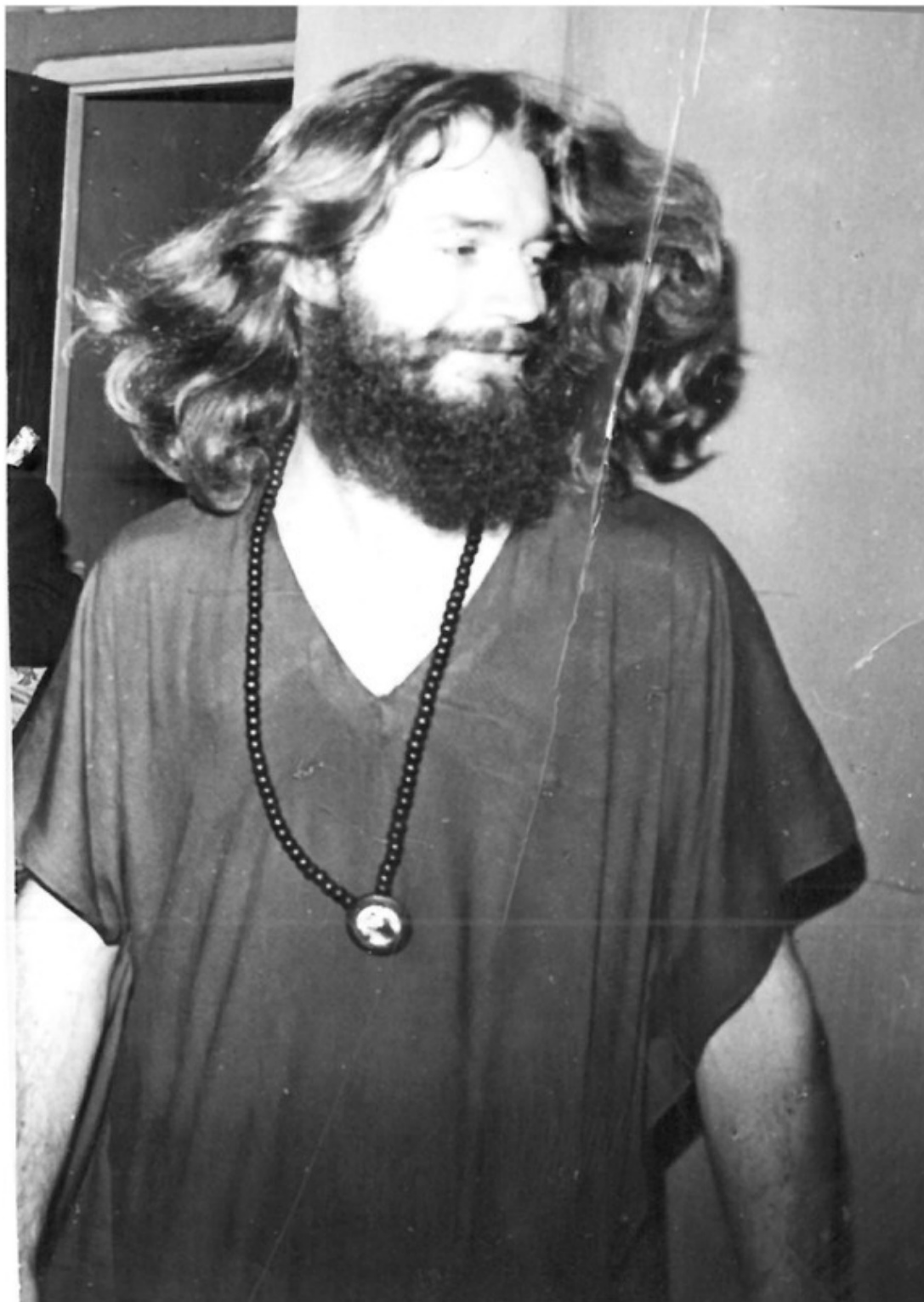
Приняв приглашение, я сказал отцу, что буду в ресторане через полчаса. Готовясь к уникальной возможности свести старые счеты, я выбрал для этой замечательной встречи самый вызывающий наряд! День был жаркий и влажный, и я надел прямой оранжевый хитон длиной до щиколоток, без рукавов, из самой тонкой ткани, причем решил под него ничего не надевать. Затем повесил на шею малу с портретом своего скандально-известного гуру, обул кожаные сандалии, тщательно расчесал длинные волосы и густую бороду, и, заправив хитон между ног, прыгнул на свой верный «энфилд» и поехал в ресторан.

Выражение крайнего ужаса, которое появилось на лицах всех десяти иезуитов, когда я вошел в небольшую комнату для банкетов, навсегда останется в моей памяти! Это был незабываемый момент мертвой тишины и заветного удовлетворения от успешно осуществленного возмездия! Заметив меня в дверном проеме в просвечивающем оранжевом хитоне, не скрывавшем ни единой детали моего тела, отец побагровел так, что я на мгновение испугался, что его хватит удар! «Да ладно, в этом нет ничего страшного», – посчитал я, – «просто один мятежный агнец празднует свой побег от пастухов-иезуитов!» Затем, решив, что не стоит давить на них слишком сильно, я сердечно приветствовал всех присутствующих, пожелал им приятного аппетита и покинул ресторан. «Аллилуйя!»

Но надо отдать им должное: по сравнению с теми, кого я встречал в Европе, иезуиты Катманду были, в конце концов, не так уж плохи. Я очень любил одного из них, отца Соболла⁷² (Saubolle), мы с ним даже сблизились. Он был французского происхождения и жил в небольшом бунгало в 500 ярдах от главного здания школы в Годавари. Там он разводил пчел, а также на большом участке выращивал разнообразные овощи и фрукты, которые очень нравились всем священникам и учителям школы Св. Ксаверия.

---

⁷² Интервью в четырех частях с отцом Соболлом опубликовано центром азиатских исследований Кембриджского университета, см.: <https://www.s-asian.cam.ac.uk/archive/audio/collection/b-saubolle/>.

На званом ужине для десяти иезуитов

Но величайшим его талантом было виноделие, и мы с отцом делали всё возможное, чтобы он использовал свой дар наилучшим образом, то есть дарил моменты счастья и хмельного веселья как можно большему числу людей в Катманду!

Каждый год, когда созревали персики на сотнях деревьев, посаженных отцом у отеля «Ройал» и у подножия холмов Годавари, мы их собирали и везли в бунгало французского иезу-

ита. Там он совершал свою магию, создавая то, что вскоре стало известным как «персиковое вино Бориса», которое очень ценилось в Катманду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.